

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ № 30—31

Тяжелая утрата	ПЕРЕДОВАЯ
На передоме: уходящий авторитарный и восходящий либертарный век	МАКС НЕТТЛАУ
Эррико Малатеста	ЖАН ГРАВ
Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи	А. КАРЕЛИН
К истории испанской революции и роли в ней левых социалов и анархистов	Н. МАХНО
Борьба за свободу	АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК
Убийца Аскина в своем кровавом деле	Ф. ДРУГОВ
Первая встреча с П. А. Кропоткиным	М. П. САЖИН
Симон Радовский	Л. ЛИПОТКИН
Синдикалистская программа	Л. Л.
По поводу террористических покушений	ЖАН ГРАВ
К безвластию	Э. МАЛАТЕСТА
Комитет безработных Нового Порто. К безработным, Стихотворения.	
Мелкие заметки и сообщения	

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

64-194

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 30—31

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1933.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. Тяжелая утрата. — Макс Нейтлау. На переломе: уходящий авторитарный и восходящий либертарный век. — Жан Грав. Эррико Малатеста. — А. Карелин. Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи. — Н. Махно. К истории испанской революции и роли в ней левых социалистов и анархистов. — Анатолий Горелик. Борьба за свободу. — Ф. Другов. Убийца Асинья о своем кровавом деле. — М. П. Сажин. Первая встреча с П. А. Кропоткиным. Л. Липоткин. Симон Радовичский. — Л. Л. Синдикалистская программа. — Жан Грав. По поводу террористических покушений. — Э. Малатеста. К безвластию. — Комитет безработных Нового Порто. К безработным. — Стихотворения. — Мелкие заметки и стихотворения.

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

Международное анархическое движение понесло тяжелую утрату: в Париже на 63 году жизни скончалась известная русская анархистка Мария Исидоровна Гольдсмит (псевдоним — М. Кори, М. Изидин).

М. Кори не выдержала разлуки с умершей 9-го января своей престарелой матерью — Софьей Ивановной Гольдсмит.

Спустя час после смерти матери, М. Кори приняла яд и скончалась в больнице через 48 часов, 11-го января, не придя в сознание.

Со смертью М. Кори в могилу ушла одна из старейших участниц анархического движения, близко стоявшая к Кропоткину, Лаврову, Револю, Черказову и другим анар-

хистам старшего поколения.

Мария Кори родилась в русской тюрьме от матери — политической заключенной, содержавшейся по делу народовольцев. Почти вся жизнь ее прошла во Франции. Научную деятельность (по образованию доктор наук и профессор Сорбоннского университета в Париже) М. Кори совмещала с революционной деятельностью.

В анархических кругах Америки она хорошо известна по своим живым, глубоко содержательным и гуманным статьям, печатавшимся в "Воле", "Американских Известиях", еврейских и английских анархических изданиях.

Последний научный труд М. Кори

“Сравнительная психология”, появившийся в Париже, возбудил большой интерес в французском ученом мире.

Мария Кюри похоронена 14-го января на кладбище THIAIS.

**

Из СССР дошло запоздалое известие о смерти в гор. Ташкенте, 23-го ноября 1932 г., старого анархиста Н. Рогдаева (Н. Н. Музиля). Умер Н. Рогдаев в ссылке, от кровоизлияния в мозг. Московские диктаторы достигли своей цели: не стало еще одного анархиста, замученного чекистами.

Рогдаев в 1901 г. привлекался в России по делу “социалистов-революционеров”, содержался в Рязанской тюрьме и затем бежал за-границу.

Будучи уроженцем Австрии, он вел пропаганду среди славянских народов Балкан и Австрийской империи. По его инициативе и под его редакцией в 1909 г. был издан “Сборник по истории анархического движения в России”. В 1914—15 годах Рогдаев издал журнал “Набат”, стоявший на строго антиимпериалистической позиции.

В 1917 г. Рогдаев возвращается в Россию. Он занимает по отношению к большевикам почти лоялистскую позицию, но от анархизма не отказывается.

И большевики преследуют человека за его анархические убеждения до самой могилы. Н. Рогдаев не первый и не последний человек, погибший в советской ссылке. Сотни тысяч анархистов, социалистов, революционеров, крестьян и рабочих, томится в советских тюрьмах, ссылках и каторге.

Вся страна превращена в большевистскую тюрьму и задыхается в тисках кремлевской тирании. Крики и стоны гонимых и преследуемых долетают в нашу далекую Америку. И мы здесь должны идти на помощь советским узникам, и поднять голос протеста против большевистских зверств.

**

С большим удовольствием следует отметить “возрождение” анархического движения в Соединенных Штатах, о чем свидетельствует нарождение в последнее время целого ряда анархических периодических изданий на английском языке.

В Нью Йорке в сентябре месяце 1932 г. вышел в свет первый номер английского анархического ежемесячника “The Clarion” (“Рожок”), издаваемый при ближайшем участии Абы Гордина, Арчи Торнера и Л. Шапиро.

В Нью Йорке же, 1-го января с. г., появился в свет первый номер английского еженедельника “Фридом” (“Свобода”) под редакцией Л. Реймонда и Герри Келли.

Одновременно же, в Сан-Франциско, вышел анархический журнал “мэн” (“Человек”), издаваемый при участии Маркуса Грагама.

Целых три анархических издания появляются на фоне безотрадной американской жизни. И появляются они как раз в проходящий момент, когда безразличный растерянный и разочарованный в буржуазных партиях американский обыватель начинает прислушиваться к трезвому голосу безвластников.

Жадный и эгоистический капитализм породил хаос, вверг народные массы в пучину бедствий. Все правительства — банкроты и бессильны вдунуть живой дух в умирающий организм капитализма.

Теперь именно наступило время сказать американскому народу, что он не нуждается больше ни в правителях, ни в капиталистах, ни в опекунах, ни в няньках, и может устроить свою жизнь без эксплуатации и государственного насилия.

**

В нью-йоркском “Фридом” напечатан ряд статей испанского анархиста М. Одея, знакомящих американскую публику с положением анархического движения в Испании.

Анархизм в Испании пустил глубокие корни, и обещает принести обильные плоды в недалеком будущем. Влияние анархических идей на испанские народные массы огромно.

Отрадно отметить, что анархическими идеями затронуты не только часть испанской интеллигенции — писатели, журналисты, профессора и т. д., но и огромное число организованных рабочих и крестьянских масс.

Соотношение решающих судьбы Испа-

вып революционных сил таково: в рядах социалистической партии насчитывается 100,000 членов. Под влиянием и руководством социалистов находится Union General de Trabajadores (Генеральный Союз Рабочих) с членским составом в 500,000 человек.

Сталинцев в Испании не более 10,000 человек.

Национальная Конфедерация Труда, руководимая анархистами и анархо-синдикалистами, объединяет свыше миллиона членов. По словам М. Олей, три четверти организованных рабочих в Испании находятся под влиянием анархистов и анархо-синдикалистов. Последние являются преобладающим революционным течением в Испании.

Анархические идеи получили значительное распространение и среди крестьян. В общем же, Испания более чем какая-либо иная страна уже в данный момент подготовлена к анархической революции.

Дух Бакунина витает над революционной Испанией и влечет ее к полному безвластию и свободе.

Эхо мiamsкого выстрела пронеслось не только по Америке, но и по всему свету. Террористический акт молодого итальянца Джузеппе Зангара, направленный против новоизбранного президента Ф. Рузвельта и при-

ведший к поранению чикагского мэра Сермака и нескольких других лиц, не только переутал развлекающуюся на флоридском фешенебельном курорте американскую буржуазию, но еще один раз напомнил ей, что в нашей богоспасаемой стране не все обстоит благополучно.

Выстрел Зангары — не случайность, не акт безумца, как его пытается изобразить капиталистическая печать. Зангара — вполне нормальный, мужественный человек.

Что же побудило его на террористический акт? Как бы мельком в буржуазной печати было упомянуто, что Зангара безработничал уже три года. Во Флориду он, по всей вероятности, прибыл в поисках работы. Но и здесь его постигла та же неудача, что и в других местах.

Три года безработицы, без перспектив на лучшее будущее, достаточны для того, чтобы любого человека довести до отчаянного состояния. Вид развлекающихся на курорте беззаботных, праздных богачей был каплей, переполнившей чашу страданий безработного итальянца.

Флоридские выстрелы напомнили американским господствующим классам о миллионах безработных, обреченных годами на нужду и страдания, о их бунтовских настроениях. Это — сигналы грядущей социальной революции.

MAX NETTLAU.

На переломе: уходящий авторитарный и восходящий либертарный век.

Нынешнее трудное экономическое и политическое положение во всех странах вызывает всеобщие волны недовольства, а часто и отчаяния, но оказывает различное влияние на население разных стран, так как их прошлая история и события с 1914 до 1918 года поставили каждую из них в особое положение. подвергли их различным влияниям и, таким образом, создали различные умственные и материальные условия. Здесь — безумное отчаяние, в других местах — надежда. Может быть, что самые превосходные свободники имеющие долгий опыт, чувствуют так, как товарищ мне пишет, говоря, что ему кажется по временам, что мы являемся еще одной религиозной сектой, проповедующей этику в неэтическом мире. Так, по временам, кажется одному существовала много столетий; возможно, она будет существовать и в дальнейшем в другой форме, но сейчас мир — сумасшедший, власть является доминирующей идеей, а мы все — мечтатели в холодном и жестоком мире. Так, по временам“ кажется одному из лучших. Несомненно также, следующее: что нынешняя общественная жизнь обещает стойким, то может вызвать в некоторых пессимизм. Но я думаю, что это только действие борьбы между прошедшим и будущим, которая затемняет мечту. Мы находимся посредине самой ожесточенной схватки между грубыми силами власти и моральными силами свободы. Большинство так захвачены борьбой, что мы не можем охватить взором все поле сражения и заметить признаки, указывающие на возможность победы свободы.

Что касается меня самого, то я должен сказать, что нынешний кризис дает мне такую надежду, какой я не имел с моих ранних дней. Я попытаюсь объяснить причины, так как я думаю, что это самая важная проблема, стоящая перед нами: преодоленная пессимизмом, наша жизненность сокращается; рождение с надеждами, наши силы ободряются и увеличиваются; в дополнение к этому, по моему убеждению,

течение эволюции направлено в нашу сторону и мы должны плыть, так как оно принесет нас к нашей цели.

Это существенный пункт в анархизме: он идентичен с самими совершенными формами прогресса. Он — не система устройства жизни, а сама жизнь, освобожденная от искусственных препятствий. Поэтому, анархический дом, не будет домом, построенным по каким-нибудь официальным планам, созданным анархическими архитекторами, но домом, который не будет изуродован скупостью домовладельца, жадностью строителя, неопытной работой плохо оплачиваемых рабочих, интересами бизнеса и объявлениями, плохим вкусом невежественных квартирантов и другими факторами, которые в большинстве случаев сегодня являются главными; он будет производством безкорыстных чертельников и рабочих, любящих свою работу, в согласии с интеллигентными людьми, которые будут знать, как придать своему дому индивидуальный характер, не увлекаясь эксцентричностью, которые сделали бы дом отвратительным для соседей и негостеприимным или бесполезным для других, которые позже захотели бы поселиться в нем. Каждый будет делать все лучшее, как это делается и сегодня среди друзей, в семьях, даже среди незнакомых людей в особых общественных случаях, когда все чувствуют себя счастливыми и веселыми, как это делается нормально — порядочными людьми, в их отношениях к людям. Нет абсолютно никакой причины, вследствие которой эта увеличивающаяся обходительность не может стать всеобщей, по которой чувство солидарности, общего владения, безкорыстия и отсутствие частных желаний, что оживляет всех посещающих национальный музей, общественную библиотеку, городской парк и т. д. не следует сделать всеобщим. Разве мы хотим взять домой картины из музея и редкие книги из библиотеки? Нет, наоборот, мы рады тому, что эти примеры освобождения от частной собственности и находятся сей-

час в безопасном распоряжении каждого, как будут находиться в распоряжении всех в будущем. Хотим ли мы быть собственниками тех домов, лавок и земли, мимо которых проходим? Мы о них совсем не думаем, как только поднимаемся немного выше хлебной очереди и можем немного украсить свою жизнь. Те, в ком живет постоянная жажда обладать всем, те — или совершенно бедны и находятся в отчаянии или же ненормальные люди, страдающие отсутствием общественных чувств. Но они являются меньшинством, которое следующим социальным сдвигом будет выведено из действия, а также лишены возможности повредить, которую они имеют теперь.

Все это безкорыстие, общественность, благоразумное поведение — характерные черты людей образованных, моральных, интеллигентных, изысканной жизни и анархического поведения. И когда люди увидят, что все их лучшие вдохновения совпадают с анархизмом, они будут на пути к нему и будут стараться узнать, как удалить препятствия, мешающие его полному осуществлению.

Эти препятствия, опять таки, точно такие-же, какие большинство людей чувствует на своем собственном пути. Кому нравиться государство? Любит ли ктонибудь сборщика податей? Кто имеет настоящую веру в политиков? Кто не уверен в том, что работа, сделанная "государством", предписанная чиновниками и исполненная другими чиновниками или жадными подрядчиками, является дешевой, неудовлетворительной и принудительной по своим последованиям? Для кого, как бы кто ни был подготовлен теоретически для признания государства, государство во всех его практических действиях не представляет собою безпокойства, расточительности и некомпетентности? Или судьи, полиция и военщина — кто не рад, если не имеет ничего общего с ними, кто не боится самого худшего, если попадает в их руки?

Муниципалитеты хороши в абстракции, но на практике не означают ли они хозяев и разного рода крупного разврата и расточительности? Или обратим внимание на ка-

питалистов, банкиров и хозяев. Если даже по учебникам политической экономии все они считаются чрезвычайно полезными гражданами, на практике большинство людей теперь не доверяют банкирам; они видят, что мультимиллионерство капиталистов имеет очень малое значение для их карманов, они имеют представление о жестоких делах многих компаний, капиталистических магнатов и частных хозяев. Кто, кроме непосредственно заинтересованных лично, питает симпатий и уважение ко всякому существующему учреждению, поддерживающему капитализм и государство в их подлинной работе, а не в такой номинальной абстракции? Очень немногие сейчас настолько наивны и ограничены в области мышления; большинство людей видят, что они окружены сетью, которая означает для них столько же добра, сколько добра означает сеть паука для мухи. Какое учреждение не было так сурово раскритиковано, как только анархисты могли это сделать это, которое не представляло бы ярких образцов вредности, бесполезности или некомпетентности?

Это применимо к нынешнему положению каждой страны, большой или малой. Государства знали только вооружаться, устраивать войны. За 14 лет они не могли найти путь к разоружению, к установлению настоящего мира. Государства знают, как воздвигать новые крепости, как затруднять торговлю при помощи новых тарифных стен; но они не знают, несмотря на настаивания экономистов, как устранить все эти препятствия. Капиталисты умеют приказывать своим техническим экспертам "рационализировать" продукцию, а рабочим — трудиться с повышенной интенсивностью и чудовищно увеличивать объем продукции; они не понимают, как заставить государства — их собственные исполнительные органы — не разрушать рынки при помощи их злых действий даже после 1914 года, разоружиться, сократить другие их губительные расходы на бюрократию, не толкать другие страны в лучину гражданской войны, губительной для бизнеса. Те, кто контролирует общественное мнение — политики, пресса и кафедра, учителя и люди

науки — все они не умеют ни устранить военные построения, созданные чувствами страха и мести, ни распространить доверие, взаимную добрую волю и практический здравый смысл среди людей. Одним словом, каждая попытка облегчить последствия четырехлетней мировой оргии взаимного постыдного убийства и подлой клеветы кончалась неудачей в течение этих 14 лет. Основной организм современного общества, изуродованный и обессиленный четырехлетним разрушением, с тех пор не был исцелен, воспитан или сделан выздоравливающим, но излечивался при помощи разного рода жульничества, отягощения, поджигательства и разложения таким путем, что в настоящее время исцеление по старым методам безнадежно. Больше того, эти старые методы не могут быть даже применимы, ибо в настоящее время находятся в действии те силы, которые в действительности продолжают войну, готовятся к новому взрыву и, логически, не стоят на пути к исцелению.

Вооружение, военные долги, тарифные стены, финансовые взаимоотношения, национальные ожесточения, самолюбие политиков и партий, безразличие, предубеждения, фанатизм и действительное невежество масс — над всеми этими и другими областями таких неизбежных народных и общественных интересов господствует хаос, разединение или преобладает деспотическая воля сильнейших. Золото приказывает, существующее вооружение приказывает, смелая готовность к войне приказывает, национальный фанатизм приказывает — разум безсилен, человеческие чувства отсутствуют, практический здравый смысл кажется исчез — все это может быть достигнуто в 1933 году, как и 14-ть лет тому назад, может прийти в самой бессмысленной форме, чтобы отложить дела до следующей конференции после 34 конференций, состоявшихся во все эти годы.

Это означает не только политическое и экономическое, но и интеллектуальное и моральное банкротство системы, основанной на монополии частной собственности, связанной с принудительным подчинением народа си-

ле государства. Обе составные части системы были сильны, когда успехи были с ними: невзгода показывает их пустоту и практическое отсутствие настоящей власти. Ибо, что такое государство, если не бюрократия, предполагающая управлять общественными делами с умеренными успехами? Если они загонят народную телегу в болото, как они сделали, там она и застрянет, как каждая телега застревает; если они не смогут ее вытянуть, как это ясно из этих 14 лет, это логически означает банкротство, которое ведет к ликвидации — слово, которое прудониисты и другие анархисты всегда употребляли, когда говорили об упразднении государства. Тогда это был утопический сон в глазах многих. Сейчас он очень близок к действительности. Что касается частной собственности, то такая собственность должна найти рынки для сбыта, но такие рынки исчезают; она должна найти потребителей, покупателей, а разоренные и безработные не в состоянии покупать. Так тускнеет ореол, окружающий частную собственность — бездействующи фабрики, железные дороги и пароходы с малыми грузами стоят перед опасностью потерять свою ценность, как теряют ее запасы товаров в складах, а голодающие люди, безнадёжно безработные по всей вероятности могут проявить нетерпение. Вооружения требуют обновления, а это требует новых денег в виде налогов или займов, а они не поступают с прежней скоростью и неистощимостью.

Вкратце, в течение многих лет можно было поддерживать настоящую систему выплаты старых долгов новыми займами, в сущности никогда не погашая долгов. Но каким-то образом доверие теперь поколеблено и высокое здание разваливается; его основная сущность слишком мала, чтобы перенести благополучие чрезмерно большой государственной бюрократии, а также военных, капиталистических и ростовщических классов наряду с созданными ими депрессией и безработицей. Шар, упавший в пустыне развалин, созданной разрушением и 14-ю потерянными годами, никто не может надуть еще раз.

* * *

В этом анализе нынешнего положения я не имел случая упомянуть социализм. Я указываю здесь на две большие вариации авторитарного социализма, на социал-демократию и на коммунизм (русский советизм). Что в самом деле они сделали? У них не отсутствовали возможности: целая Россия — Сибирь со сравнительно малыми усилиями подчиняется большевизму в течение 15-ти лет, а в большинстве других европейских стран социал-демократы были у власти частично или полностью в послевоенные годы. Они считаются безопасной правительственной партией и имели все возможности, во Франции с Мильтераном, Брианом и др. в течение 30 лет, в Германии с 1918 года, в Англии со времени рабочего правительства в 1924 году, в Швеции, Дании и др. странах. Тем более нужно сказать, что итальянский фашизм есть смесь государственного социализма, капитализма и национализма, организованный опытным бывшим социалистом. В Соединенных Штатах *организованный труд занимает место социализма и не без средств, дабы дать себя почувствовать, если он действительно имеет что-нибудь сказать.

Таким образом, авторитарный социализм, много соревновавшийся и очень неразвитый фактор общественной жизни 60, 50 и даже 40 лет тому назад, внезапно выдвинулся вперед после 1917 и 1918 года... не во всех случаях при помощи своей мощи и усилий, но главным образом потому, что капиталисты во всех их плачевных делах с 1914 года желали разделить ответственность с рабочими, а в незначительной степени разделяли даже доходы, как делали это военные индустрии, давая большой заработок; официальные карьеры внезапно становились открытыми для лидеров и, как ничто другое, были желательны и приемлемы для капиталистов, ибо благодаря этому продолжалась доставка рабочих для военных заводов, рабочих для военных барачков; это вызывало довольство рабочих классов, сложение с себя обязанностей и порождало патристический восторг от таких взаимных соглашений. Россия была пятном на этих схемах, ко-

торые так хорошо вырабатывались на Западе; также в Германии, Италии капиталистические намерения были нарушены.

Результатом всего этого был нынешний государственный социализм в России, который я не нахожу нужным обсуждать здесь. Это не привлекательная форма социализма для России, а попытка навязать его другим странам содействует только сокращению и подрыву социал-демократических партий, в то время, как само население не решается принять всецело странную и неудовлетворительную систему вследствие ее непривлекательных действий в современной России. Социал-демократические и лабритские правительства не позаимствовали ниоткуда великодушной и талантливой инициативы, чтобы серьезно улучшить общее критическое положение. В действительности, им нечего было сказать и они никогда ничего не скажут, кроме чегонибудь в абстрактной форме в парламентах. Все эти партии являются ничем иным, как избирательными машинами для создания наибольшего количества депутатов, что может быть достигнуто при помощи обольщения широких масс избирателей реформистской и национал-патристической фразеологией, но, конечно, не при помощи предъявления им социализма и социальных проблем в их истинных претах.

Все это означает в действительности, что авторитарный социализм уничтожает сам себя в России своим огромным самолюбием, несолидарностью, а во всех других местах вследствие превращения в чисто-политические партии, связанные с поддержанием существующей системы — как раз в те годы, когда эта система шатается и крошится — и заботящихся о разделении власти с врагами социализма, государством и капиталом. Это делается с той целью, чтобы оказывать в выигрыше в обоих направлениях — или спуститься к власти в качестве соправителей и помощников буржуазии или захватить власть при помощи государственного переворота (coup d'Etat), как это сделали большевики, а затем узурпировать и монополизировать государственную власть, как они делали и продолжают делать. Никакими успехами не может увенчаться это пре-

дательство социализма, как показывает ненадежное положение большевизма после 15 летнего существования: это означает пребывание у власти и поддержание ее, а это является достаточным обвинением для **новой социалистической бюрократии**, готовой занять место **старой капиталистической бюрократии** или объединиться с ней. Рабочие — это беспомощные массы индустриальных рабов, как налогоплательщики являются беспомощными платящими массами капиталистических партий. Но эта тесная связь с разлагающейся системой заразила и сделала дряхлыми социалистические партии быстро и фатально: из бывшего, по крайней мере по их мнению, авангарда социалистического прогресса, они превратились сейчас в прочие опоры закона и порядка, в самые отсталые, самодовольные и болеутомяющие элементы.

Они наслаждаются властью: они защищают существующую систему, они не могут показать ничего своего, собственного даже там, где вся полнота власти находится в их руках, за исключением нынешнего советского государства, где они тиранизируют огромный народ, как это делал царизм; в таком случае, к какому веку они принадлежат: к Прошедшему или к Будущему? Муссолини возстановил средневековые; большевицкое управление похоже на царское; социал-демократы и люди из Рабочей партии поддерживают нынешнюю капиталистическую систему — какие больше нужны доказательства для того, чтобы показать, что все они уносятся из отвратительного Настоящего в мрачное Прошлое. Больше того, они не делают серьезных попыток, чтобы преодолеть нынешний кризис. Они не могут. Они интеллектуально и морально отреклись, как социалисты. Их вера в социализм исчезла: они верят в государство — принудительное урегулирование общественной жизни всего человечества. Но развитое человечество всегда будет презирать такой обман: если человечество волнуется, оно волнуется для того, чтобы быть свободным, а не для того, чтобы быть деспотически управляемым социалистами подобного рода, после того, как оно деспотически управля-

лось феодализмом, капитализмом и государством.

Это очень ясно видно в Испании, где авторитарные социалисты, как министры и депутаты, депортируют анархистов и синдикалистов, преследуют во всех направлениях синдикалистскую организацию (С. Н. Т.), которая является опорой сегодняшнего сопротивления испанских рабочих в их рабочей борьбе, надеждой на завтрашнюю возможность и организацией идеальных анархических и анархо-синдикалистских конценций. С этой массой, приблизительно в миллион рабочих, обращаются как с врагом и как с другом официальных социалистов: ожидает-ли ктонибудь, что **после этого** такой "социализм" будет желателен в новом обществе? Нет, этот социализм показывает свой настоящий цвет **теперь**, он пользуется властью **теперь**, он обрушивает мнение на анархистов **теперь**, он не будет снова желателен. Или-же немецкий Носке и другие, русский Сталин и другие, будут-ли они все желательны для управления в новом обществе? Очевидно, нет: их время было, еще существует **теперь**, а после этого, все будет кончено.

Эти веские и ясные факты, о которых мы думаем, с каждым днем становятся яснее. Если новое общество придет, оно будет **либертарным**. Это слово означает разные применения свободного или добровольного социализма, как многие формы анархизма, добровольная кооперация, а также свободные формы синдикализма, если в свободном мире настоящие синдикалисты будут держаться вместе, так как теперешняя система спаяла их для рабочей борьбы. Больше похоже на то, что они присоединятся к анархическим группам по выбору и родству. Или, может быть, технически полезные большие единицы рабочих еще будут называть себя синдикалистами, между тем они были бы только нейтральными группами, кооперирующими свою деятельность, а сами индивидуально группирующиеся по своему усмотрению. Не имея никого впереди себя для борьбы, настоящие синдикалисты разсеются, как и единицы армии. В этой сфере, новое общество создается бы

без принуждения, государственности, авторитета, в котором, как это наблюдается сегодня, никто не позволил бы отсталому, невежественному человеку исполнять какую-нибудь деликатную, утонченную работу, поэтому не было-бы необходимости в управлении авторитарных социалистов в новом обществе.

Маркс и другие, вплоть до Ленина, сами сознавались, что анархизм последует за их периодом диктатуры. Так и будет; **но так как они имеют диктатуру сейчас** против буржуазии (Россия) или совместно с нею (другие страны), то их "историческая роль", подарим им этот титул, закончена теперь. Это наверное будет разочарованием для их последователей, которые замечали очень мало, особенно мало хорошего для них, от этого исторического явления, но их лидеры имели очень многое от него. Маркс наслаждался диктатурой всю свою жизнь, с 1844 года. Энгельс путешествовал в ней до своей смерти в 1895 г. Жорес был духовным руководителем Франции целые годы. Бебель, Либкнехт, Др. Виктор Адлер, Грейлих, Вандервельде, Мильеран, Бриан, Ферри, Турати, Иглесиас, Гайндман, Макдональд, Брантинг, Ленин, Троцкий, Сталин и все другие были действительно некоронованными королями европейского пролетариата. Эти династии уже вымирают: настоящее поколение не создало имен, которые можно было бы запомнить. Поэтому почва сейчас свободна; и те, которые хотят видеть авторитарный социализм, стоящим перед собою, в самом деле наивны: они никогда не увидят его в большем масштабе, чем мы уже видим. И этого совершенно достаточно.

Не будем заблуждаться или огорчаться из-за настоящего укрепления авторитарности во многих странах. Это результаты неустойчивых экономических условий и нетерпимости с неработоспособностью всех находящихся у власти, включая социалистов — управляющих или влияющих на большие партии. Эти народы имели мало доступа к либертарному учению, даже к либеральным и радикальным идеям, так как в течение 70 лет авторитарные социалисты делали все,

что могли, чтобы устранить эти идеи, от либерализма (как это делал Ласалль) до анархизма. Поэтому анархисты всегда имели двух жестоких врагов: государство и социал-демократов; и несмотря на то, что его последователи твердо выступали против государства, не всегда было возможно твердо устоять против социал-демократов, так как они в ранние годы представляли социализм и, как социалисты, не считались врагами, между тем, как они всегда считали анархистов хуже врагов. Поэтому почва недостаточно подготовлена (исключая значительные части Испании), но разделение иллюзий об авторитарном социализме уже пришло, какие бы ошибочные формы он ни принимал перед людьми, которые не знают лучшего. Они знают **даже то**, что социал-демократические лидеры, депутаты и министры не помогут и не спасут народ. **Теперь время для либертаров** говорить к людям, объяснять им свои идеи более подробно, более широко, чем до сих пор делали, и делать это во всех странах и на всех континентах.

Где эта работа серьезно началась, как в Испании, чудесно смотреть как скоро ограничения падают, которые мы сами в ранние годы позволили налагать на анархические идеи.

Были времена, когда анархисты-коммунисты считали необходимым отвергать индивидуализм, когда Малатеста часто подвергался нападкам за то, что был слишком усердным организатором, когда другие смотрели на анархизм совершенно так же, как смотрел Кропоткин в "Завоевании Хлеба", не представляя его ни в каких других формах, когда терпимость рассматривалась как измена, а наличие двух или больше концепций анархической жизни рассматривалось как нечто губительное. Все эти и другие особенности свойственны детскому или юношескому возрасту, когда программы, памфлеты и несколько ораторов казалось захватят и овладеют неизменяемой и непогрешимой доктриной. Этот период сейчас прошел, но крайней мере там, где товарищи находятся в настоящей связи с народом, как это наблюдается сейчас в самых больших

частях Испании. Здесь всеобщий идеал — это **свободный коммунизм**.

libertario), много усилий положено на то, чтобы продумать эту идею каждому, в одиночестве и с друзьями, чтобы продумать ее самим, проверить местные возможности. Короче говоря, товарищи чувствуют, что анархическое сознание и анархические действия являются существенными факторами, которые должны исходить от каждого согласно его собственным качествам, возможностям, ритму и темпераменту. Вот, почему "Платформистские" доктрины кажутся такими пошлыми испанским рабочим, из которых очень многие знали их еще раньше (1926), когда были в изгнании во Франции, и, за небольшими исключениями, всегда отвергали их. К **Свободному коммунизму**, безотлагательной мере, присоединилась свободная коммуна (municipio libre), как непосредственная среда действия, а также интер-солидарность, как организация, Национальная Конфедерация Труда — это прообраз ее, как метод расширения местной активности и создания необходимого базиса для соответствующего производства и распределения существеннейших предметов. Это в истории анархизма решительный шаг от теории к практике, от изучения к лаборатории и мастерским, от отвлеченных ожиданий к действительности, подготавливающейся сейчас в головах и сознании многих.

Если бы только свободники других стран заговорили, а также воплотили свой идеал в конкретную форму перед всем обществом, в котором, кроме всех отчаянных государственников, обладающих помини в прошлом, в большем принуждении, в новом закреплении, существуют хладнокровные и либеральные элементы, которые едва ли или совсем не слышали об этих сегодняшних аспектах анархизма. Они находятся под впечатлением, что анархизм означает точное воспроизведение личных концепций Кропоткина, или что при помощи кровавого режаниа он хочет установить царство террора более жестокого, чем даже большевизм, или что мы являемся только толстовскими нравственными проповедниками, не подходящими для наших жестоких

времен. Они игнорируют то, что для очень многих из нас этот сектантский период закончился. И, конечно, если бы старые учителя анархизма были живы сейчас, они первыми заметили бы это и сделали бы большой шаг вперед.

Положение созрело сейчас, государства и капитализм потерпели банкротство. И чем дольше они существуют, тем больше несут потерь. Народ созревает, наученный опытом, что государственный социализм тоже обанкротился и может высосать последние ресурсы из народа, если он успеет осуществиться и принудит народ к немому подчинению. Созревает также очевидное пробуждение народной воли для создания перемени, всеобщее волнение, которое никто не может усмирить теперь. Социалисты самые консервативные части населения теперь, потому что они были воспитаны верить в Маркса теоретически, повиноваться своим лидерам практически и ожидать чего-то с высот — если не с неба, как религиозные, верующие, то хотя бы от государства — если не от священников, то хотя бы от общественных политиков. Не-социалистические массы не воспитаны в таком духе, а поэтому здесь они присоединяются к коммунистам, там они очарованы и замануты националистами и фашистами. И приходится горько сожалеть о том, что свободники не внимательны к настоящему положению и распространяют свои идеи не в современных и прямых формах, а — как это часто делают — круглым путем пробуждения интереса к анархическим мыслителям прошлого — очаровательное изучение, несомненно, но недостаточно привлекательное для измученных, полу-разоренных, полу-голодных, нервных и озлобленных масс настоящего времени.

Общество достигло разделения между старыми авторитарными методами, доминирующими в религии, как привилегии, монополии, Государство и Капитализм, авторитарный социализм, выражающийся в практическом безстыдстве, разрушении и бессилнии всех этих одно время сильных и хвастливых учреждений — и реакцией человеческой свободы, достоинства и счастья либе-

ральными методами, которые всегда были двигающей силой искусства, создателем науки, мотором эволюции Этики, духа Прогресса. Солидарность и Великодушие являются либеральной стороной этого разделения и с их помощью начинающиеся источники и маленькие ручейки Свободы, скоро объединятся и станут быстрыми течениями и мощными реками. Авторитарность, так сильная в прошлые века, уменьшается, как ручьи уменьшаются, когда мы поднимаемся выше разделения. На стороне будущего, дальнейшей стороны разделения, все однажды начавшееся, увеличивается в силе; на стороне авторитарности оно делается малым и не имеет больше полезности, когда мы отстраняемся от прошлого так непреодолимо, как непреодолим сам Прогресс, индивидуальные и социальные формы его неодолимы от него.

Мы, по моему убеждению, в лучшем положении, ближе к нашим заветным целям, чем нам кажется и чем я думал сам не так давно. Не по нашему достоинству, которое действительно малое, но благодаря подавляющей силе Прогресса, течение которого также является нашей движущей силой. Прогресс обозначает развитие от менее совершенного к более совершенному, применение Прошлого к Настоящему, подготовки Настоящего к Будущему. Будущее может быть только **несамолюбивым счастьем**; но всегда является стремлением всех хороших людей и стремлением всех анархистов. Власть, возможно, была пеленкой в детстве, возможно была роговой оболочкой, охраняющей куколку, но совершенно не нужна вылетевшей бабочке; она теперь как коричневая шелуха, покрывающая листья почек на деревьях, которые покрывают почву в лесу весной после того, как зелень разрывает их и они раскрываются по своей воле и силе. Весна наступила для человечества и поэтому все эти охраняющие покрытия, имевшие свое время, падают на землю. Так марксизм, социал-демократия, большевизм имели и имеют свое время, свой полный простор; теперь они стали лепой, как бесполезные органы.

Когда будущие поколения глянут назад на настоящее время, они сразу увидят,

что все это не могло быть иначе. Оно должно произойти само по себе, по своей энергии и воле. Никто не думает об освобождении почек от их шелухи; их собственная энергия, когда появится настоящая сила, игра ветра, луч солнца, несколько капель росы или дождя достигают целого мира деревьев, в международном масштабе. Многие анархические группы и газеты не могут создать анархизм, но пробуждающее человечество может и создаст. Но мы можем указать путь и помочь очистить его; прежде всего мы должны предупредить тех, которые теперь бродят, лица света, и находят приют в старых авторитарных ложных понятиях.

Мы не "мечтатели в холодном и безопасном мире", если посмотрим настоящему положению прямо в лицо. Мир огненно-красный от возбуждения и горит от злости и негодования, от того, что плачевно, жестоко и цинично обманут всеми учреждениями, в которые он веками учился верить. Эти учреждения сейчас закрыли ставни, как и многие банки, и действующая сила теряет свою стоимость в мире банкротств и безработицы.

Будущее, скорое будущее, достигнет высшего момента, и если не будет панического страха к примитивному карабканию сильнейшей универсальной морали, если не физического каннибализма, путь вперед должен быть указан и выработан — путь солидарности, благородства, свободы, которая идет в одном направлении с Анархизмом, пока оба пути не сольются в один: в свободную жизнь свободного Человечества.

Это, по моему мнению, наша настоящая миссия: указать, что авторитарное прошлое дошло до такой границы, что только можно описать как плох долг несоответственного должника, и что время для нового начала в направлении свободы, давно уже начертано, настало. Это не голос пророка, не сон утопистов, не вера сектантов и фанатиков, как мы называемся, а настоятельный призыв Прогресса, требования времени. Анархизм, как мы понимаем теперь, не мог вступить в практический контакт с жизнью, поскольку, как это было не так

JEAN GRAVE.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА

Товарищи, вы просите у меня статью о Малатесте для напечатания в "Пробуждении". В то же время вы сообщаете, что товарищ Неттлау уже послал вам статью на ту же тему. Если так, то моя статья может быть только бледным повторением того, что сказал Неттлау, ибо он написал о нашем покойном товарище целую книгу и, конечно, в его распоряжении гораздо больше документов, чем у меня. Я ограничусь, поэтому, рассказом о нескольких моментах в жизни нашего друга.

Один молодой грек, по имени Апостолиди, проживший некоторое время на квартире у Кафьеро, рассказал мне, с его слов, анекдот, который до сего времени еще не появлялся в печати. Правда, Малатеста имеет к этой истории лишь косвенное отношение.

Это было после дела в Бенеvente. Всех арестованных поместили вместе, в одной комнате, но позднее властям вздумалось расселить по разным комнатам и изолировать. Прежде, чем это удалось сделать, арестованные дали друг другу обещание объявить голодную забастовку, пока их снова не соединят.

Сказано — сделано. Администрации пришлось сдаться и снова поселить всех арестованных вместе.

Но я забыл добавить, что прежде чем

давно—все авторитарные силы были мощны и благополучны, но теперь может и должен, когда естественная и неумолимая эволюция сама обратила в бегство всех государственныхников, включая социалистов. Этот колоссальный исторический факт устанавливает контакт и мы теперь можем быть непосредственно полезными Человечеству, указать дорогу к Свободе; это также очистит нашу собственную дорогу и наше дело выиграет, так как оно дело самого Человечества, борющегося и прогрессирующего.

М. НЕТТЛАУ.

4-го Июля, 1932.

их разделили, арестованные смастерили для времяпрепровождения, шахматы, материалом для которых послужила хлебная мякина.

Когда их вновь соединили, то, после обмена взаимными поздравлениями, кто-то предложил сыграть партию в шахматы. Обратились к Кафьеро, которому были доверены шахматы, с вопросом, где они. Сконфуженный, он должен был признаться, что, мучимый голодом, он съел их.

Сфабриковали-ли заключенные другие шахматы — об этом история умалчивает.

С Малатестой я познакомился в 1881 или 1882 году. Он находился в Париже вместе с Кафьеро, когда я и еще несколько товарищей организовали кружки для самообразования в 5-м и 13-м округах Парижа. Они помогали нам организовать эти кружки.

Когда наши кружки решили принять участие в манифестации у стены коммунаров, на кладбище Пер-Ланез, Малатеста, в качестве члена кружка, решил идти вместе с нами. Если не ошибаюсь, Кафьеро в то время уже покинул Париж.

Когда мы приблизились к кладбищу, в руках у манифестантов появился венок, и Малатеста, находившийся вблизи, один из первых вызвался нести его. Как новички в рабочем движении, мы были достаточно глупы, чтобы дать ему сделать это. Поэтому, когда полиция вмешалась, чтобы разогнать манифестацию, Малатеста попал в ее руки и был избит.

Молодой грек Апостолиди, о котором я упомянул выше и который вошел в наш кружок вместе с Малатестой и Кафьеро, на ходился во время манифестации подле Малатесты. Увидя, что его избивают, он бросился на полицейских. Произошла драка, Малатеста, Апостолиди и еще двое или трое других товарищей были арестованы. Французов отпустили в тот же вечер, а Малатесту и Апостолиди выслали.

Малатеста сумел почти сейчас же вернуться в Париж. Вместе с ним приехал гедист Вальди, Жалло, Дижон, и все собралось у меня, чтобы сообразить, что можно сделать в интересах пропаганды.

"Пропаганда действием" была в то время в порядке дня, поэтому нашей задачей было обсудить, нельзя ли найти способ взорвать Палату Депутатов. Мы, таким образом, предвосхитили идею Вальяна.

Мы думали, что, быть может, этой цели можно было бы достигнуть, если бы удалось забраться в ассенизационную трубу поблизости к Бурбонскому дворцу.... Для этого, надо было познакомиться с кем-нибудь из золотарей, но никого из лиц, с кем мы были связаны, не знал ни одного золотаря. Кроме того, у нас не было ни пороха, ни динамита, ни денег для покупки их.

Мы стали обсуждать другой проект, который в то время не вызывал возражений в нашей среде, а именно: "занять" денег в одной из касс государства. Дижон наметил одну из касс на улице Сан-Жак, где и сам он жил.

Так как я работал у себя на дому и был свободнее других, то мне поручено было изучить местность. Но указанная Дижоном государственная касса оказалась расположенной во дворе большого жилого дома. Попытаться сделать что-нибудь здесь означало бы сунуть голову в пасть волка. Пришлось искать чего-нибудь другого.

Но Малатесту опять арестовали, осудили на шесть месяцев тюрьмы за нарушение постановлений об изгнании, и наши собрания были дезорганизованы.

Малатеста отсидел шесть месяцев в тюрьме Санта, куда я ходил на свидания с ним: он добился того, что мое имя было внесено в список его посетителей.

Само собой разумеется, что по истечении назначенного времени, он был выслан. После этого я встречался с ним лишь изредка, когда я приезжал в Лондон.

Уезжая из Парижа, Малатеста оставил мне кучу бумаг и книгу, входившую в серию научных изданий, напечатанную пеплом

Фигье. Если память мне не изменяет, то этот самый Фигье (если только имя его было Фигье) был достаточно известен в ту эпоху. Из этих бумаг и книги я увидел, что Малатеста занимался вопросом об управляемых воздушных шарах. В то время еще не было вопроса об аэроплане, но мысль о летательных аппаратах более тяжелых, чем воздух, уже появилась. Малатеста никогда не спрашивал у меня впоследствии об этой книге и этих бумагах. Я предполагаю, что среди злоключений, в которые вовлекла его пропаганда, он вынужден был отказаться от своих опытов по управлению воздушными шарами.

Приехав в Аргентину, он весь отдался — как и повсюду, куда он приезжал — пропаганде.

Товарищ Садье, который в то время также жил в Аргентине, рассказал мне, что Малатеста, посетив Огненную Землю, место ссылки аргентинцев, в первой же землянке, куда он вошел, увидел, к удивлению своему, номер нашего журнала "Револьт".

Не знаю, сколько времени Малатеста провел в Аргентине, но знаю, что ему пришлось покинуть ее: преследуемый аргентинским правительством, он поспешно уехал. Поселившись в Лондоне, он, неизменно великодушный, приютил у себя одного самозванного анархиста, который, злоупотребив доверием Малатеста, похитил у него довольно значительную сумму, вывезенную из Аргентины для пропаганды, и исчез.

Предоставлю Неттлау задачу рассказать вам, чем была пропаганда Малатесты, как в Лондоне, так и в Италии.

Живя в Италии, то терпимый, то преследуемый, Малатеста не прекращал там своей пропаганды, основывая газеты и журналы, редактируя их и печатая в них статьи, которые переводились на все языки.

Когда совершился государственный переворот "черных рубашек", руководимых Муссолини, то в жалком положении оказался король, с которым Муссолини обращался так, что люди спрашивали себя, как не совестно было ему так поступать. Но тот

же Муссолини не осмелился коснуться той крупной фигуры, какою, в конце концов, был Малатеста. Его оставили на свободе... поминально.

Но Малатеста был слишком активен для того, чтобы, несмотря на все уважение к его личности, ему можно было бы предоставить действительную свободу. Окруженный шпионами, неусыпно за ним наблюдавшими, он ничего не мог сделать для пропаганды. Посещавшие его лица подвергались выслеживанию и преследованию. Малатеста был обречен на бездействие. При его характере последние годы его жизни были для него, вероятно, тягостны. Смерть была, надо думать, избавлением для него.

С ним ушла одна из последних прекрасных личностей анархии.

Один прядет житейских мыслей ткани,
Другой любовь прекрасных жен поет,
А я бросаю на алтарь исканий
Любовный сердца жар, высоких дум полет.

Чего я жду, о чем в сердцах вздыхаю?
Зачем, прослав мечтателем седым,
Я на костре мятежных дум сжигаю
Слова свои неясные, как дым?

Того-ль ищу, что в жизни безысходно,
О чем лишь дети грезят наяву,
Или на век прельщен мечтой бесплодной,
Я ею жив и для нее живу?

Нет, та мечта, которой рад я верить,
Рождается в течение веков;

Произведения Малатесты пропагандистского характера многочисленны; тем не менее Малатеста всегда был человеком действия по преимуществу.

Из его многочисленных статей мне известны только две, изданные в форме брошюр: "В кафе" и "Среди крестьян". Последняя брошюра была напечатана газетой "Ле Револьта". Сестра Реклю, госпожа Дюмениль, перевела ее для нас. Было напечатано несколько выпусков, как газетой "Ле Револьта", так и "Ла Револьт" и "Ле тап нуво", — всего было выпущено 80,000 экземпляров.

Быть может, когда-нибудь найдется товарищ, — не ты ли, Неттлау? — который соединит эти статьи в целую книгу.

ЖАН ГРАВ.

Ее нельзя рутинной жизни мерить
Ее не скрыть под неплем древних слов.

Моя мечта — Безвластная Твердыня,
И мощь ее в игре творящих сил;
Я предан им, и в том моя гордыня,
Я ей служу, и в том мой смертный пыл.

Одни с женой, другой в глухой заботе
Проводит день и проживает год,
А я готов на вечном эшафоте
Казнить себя, что-б дать мечте исход.

И я готов пойти на преступленье,
Любую жертву я принести готов,
Чтоб только зреть Анрхии рожденье
В темнице властью скованных веков.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

А. А. КАРЕЛИН.

(Статья Первая).

Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи.

Мы нередко встречаемся с указанием, будучи животными находить удовольствие в том, что борьба за существование является необходимой предпосылкой прогресса, что такая борьба ведется в современном обществе, почему оно и прогрессирует. Если же человек организуется на анархических началах, то люди перестанут бороться друг с другом за материальные блага и власть, и тогда не будет прогресса.

Говоря все это, ссылаясь на учение Дарвина.

Необходимо заметить, что выражение "борьба за существование" часто понимается без тех серьезных оговорок, которые приводил Дарвин в своих позднейших работах. „В своем последнем сочинении“. „Происхождение человека“, — писал о Дарвине П. А., — он написал даже несколько прекрасных, сильных страниц, чтобы выяснить истинный, широкий смысл этой борьбы. Он сказал здесь, как в безчисленных животных обществах борьба за существование между отдельными членами этих обществ совершенно исчезает и как, вместо борьбы, является содействие, (кооперация), ведущая к такому развитию умственных способностей и нравственных качеств, которые обеспечивают данному виду наилучшие шансы жизни и расширения. Он указал таким образом, что в этих случаях „наиболее приспособленные“ оказываются вовсе не те, кто физически сильнее или хитрее, или ловче других, а те, кто лучше думает соединяться и поддерживать друг друга — как сильных, так и слабых — ради блага всего общества. „Те общества“, — писал он, — которые содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов, будут наиболее процветать и оставлять по себе наибольшее количество потомства“. (Второе английское издание. Стр. 163). В книге Ив. Дезаж и М. Гольд-смит мы находим несколько интересных цитат из сочинений Ч. Дарвина, — „Социальные инстинкты, — писал этот ученый, — по-

скольку в обществе своих товарищей, испытывать известную симпатию к ним и оказывать им различные услуги. У животных, — пишет он, — для которых общественная жизнь была выгодной, индивиды, которые находили большое удовольствие собираться вместе, могли лучше избегать опасностей, тогда как те, которые менее всего заботились о своих товарищах и жили уединенно, должны погибать в большом количестве“. Выясняя взгляды Дарвина, только что названные авторы пишут: „нам кажется знаменательным, что, устанавливая психическую общность между человеком и животным, Дарвин установил общий для них закон, но не закон беспощадной борьбы за существование, а закон солидарности и взаимной помощи“. Из этой же книги видно, что и Рибо указывал на появление общественных чувств в недрах общества, состоящих из животных.

О социальных особенностях человека Ч. Дарвин писал, между прочим, следующее: животные, обладающие большим ростом, свирепостью и способностью, подобно гориле, защищаться от каких угодно врагов, вряд ли могли стать общественными, а это существенным образом задержало бы приобретение высших духовных качеств, каковы симпатии и любовь к ближним. Поэтому для человека происхождение от сравнительно слабого существа могло оказаться величайшим преимуществом. Малая сила и быстрота человека, отсутствие у него природного вооружения и т. п. уравниваются во-первых, его умственными способностями, посредством которых он изобрел для себя оружие, орудия и т. п. хотя он оставался еще в первобытном состоянии; во-вторых, его социальными особенностями, побуждающими его помогать другим и пользоваться помощью ближних.

Нельзя согласиться с тем, что борьба за существование в обычном, узком смысле этого слова является фактором прогресса. Из

борьбы раненым, искалеченным, обезсиленным нередко выходит победитель и его потомство является слабым. Напомним, между прочим, что наиболее сильные животные погибают в первую очередь при защите своих объединений от нападений. Более сильные животные выступают в этих случаях на битву впереди более слабых. Борьба за существование не может считаться двигающей силой в деле развития организма. По мнению Н. Г. Чернышевского, этой двигательной силой является „сумма влияний условий, благоприятных для жизни этого организма, за вычетом суммы влияний неблагоприятных, в числе которых одно довольно сильное есть борьба за жизнь“. В свою очередь, Н. Д. Носкин — рано умерший выдающийся русский биолог — говорил: „Дарвин не видит, что борьба за существование не выгодна для развития, что она сама по себе, есть только источник паталогических явлений... Вся теория Дарвина, поэтому, может быть названа теорией гениального буржуа натуралиста“. (Цит. по ст. М. Богдановича).

Любопытно, что и Ламарк указывает, что несогласие (в том числе и борьба, конечно) отнюдь не является фактором прогресса: „в отношениях, существующих между индивидуумами или между различными обществами, которые организуют свои группы, соглашение во взаимных интересах делается основой блага, — как несогласие между этими интересами — основой зла“.

Более чем понятно, что многие следствия, которые являются результатом борьбы с неблагоприятными для жизни условиями, не могут способствовать прогрессу вида. Прогрессивная эволюция видов не может быть основана на периодах острого страдания. Те, которые переживают голод или суровую эпидемию холеры, оспы или дифтерита, свирепствующих в тех размерах, которые наблюдаются в цивилизованных странах, вовсе не являются ни наиболее сильными, ни наиболее разумными. Никакой прогресс не мог бы основаться на подобных переживаниях, тем более, что пережившие выходят из испытаний с подорванным здоровьем, подобно экипажам арктических судов или гарнизонам крепостей, вынужденным жить в течение не-

скольких месяцев на половинных рационах и, по прекращении осады, выходящим с разбитым здоровьем и с проявляющейся впоследствии склонностью к совершенно ненормальной смертности“, писал Кропоткин.

Нет сомнения, что ужасающая по своим размерам эпидемия тифа и голодовка, которую в течение нескольких лет переживает значительная часть русского населения, не дадут в конце концов преобладания в общности более сильных людей, переживших эти неблагоприятные условия, а дадут только еще большую болезненность и еще более ужасающую смертность.¹⁾

Из борьбы за существование сплошь и рядом ослабленным и ухудшающим свой род выходит победитель или индивид, переживший неблагоприятные для существования условия.

Что касается до людей, то известный биолог Геккель резко протестует против того взгляда, по которому борьба является фактором прогресса. Есть, — говорил он, — один гибельный вывод, делаемый из так называемой этики эволюции. Заключается он в понятии, совершенно ошибочном, что люди, путем борьбы за существование, могут достигнуть совершенства типа, так как в мире растений и низших животных борьба за существование и выживание наиболее приспособленных выдвинула вперед более совер-

1) Очень уж не точно называть борьбу за существование, а тем более с природой те отношения, которые возникают между человеком и окружающей его средой. Мы не боремся с природой, а приспособляем ее для своих целей. В понятие „борьбы за существование“ включаются, например, такие явления, как питание или произрастание на известной почве и при определенных климатических условиях одних и исчезновение других видов растений и пр. и пр.. Все это делает учение о „борьбе за существование“ как о факторе прогресса, не научным. В задачу этой заметки не входит, впрочем, анализ всех тех явлений, которые образуют конгломерат названный термином „борьба за существование“.

живные организмы. Я думаю, что ошибочное применение биологического закона возникло вследствие прискорбной двусмысленности выражения „выживание наиболее приспособленного“. Под словом „наиболее приспособленный“ сторонники применения биологического закона в области социологии понимают „лучший“. Но между понятиями „наиболее приспособленный“ и „лучший“ далеко не всегда стоит знак равенства. Если бы на-пример, наша планета остыла, то „наиболее приспособленным“ в растительном мире были бы низшие организмы, которыми обуславливается розоватый цвет в арктических широтах.

Люди охотно пользуются всякими, хотя бы и не выдерживающими критики доказательствами для прикрытия эгоистических целей. Не трудно догадаться, при каких обстоятельствах возникла мысль использовать дарвинизм для защиты современного общественного строя. „Противоречие между социально-реформаторскими демократическими стремлениями и воззрениями дарвинизма возникло, — пишет проф. Г. Геркнер, — благодаря тому, что некоторые дарвинисты, мало осведомленные в фактическом ходе экономической и социальной жизни, были настолько наивны, что усмотрели в конкуренции в области капиталистического индивидуализма „естественную“ борьбу за существование, где все наиболее способные выходят победителями“.

Борьба людей с людьми, которую мы наблюдаем в течение тысячелетий, принесла человечеству бесконечно много зла и отнюдь не является предпосылкой прогресса. „Всмотритесь в самое дело, как ведется борьба в недрах класса собственников, — пишет профессор Ах. Лориа, и — вы убедитесь, что и здесь чаще всего торжествуют самые низкие грязные элементы, что и здесь победу обеспечивает не талант, а обман и лихойство, которые являются вернейшими средствами, чтобы нажить несметные богатства“. В самом деле, — продолжает проф., — взаимные отношения собственников и несобственников можно рассматривать как форму борьбы за существование только с той оговоркой, что

форма эта весьма специальная, соответствие которой среди низших организмов мы находим в борьбе паразита с его добычей, борьбе по характеру своему глубокого отличающейся от той, которую ведут между собою независимые существа“... „Дегенераты, о которых мы говорим, наследуют не одни лишь богатства, но и шансы на победу в борьбе за существование, благодаря чему из этой борьбы выходят победителями не самые сильные, а самые презренные и духовно отсталые элементы“. Конечно, животные не получают наследства, не делятся на капиталистов и на пролетариев. Лориа указывает, далее, что хромой, в запряженной лошади карете скорее придет к цели, чем здоровый, но идущий пешком человек. „В экономической борьбе, — продолжает цитируемый автор, — эту роль кареты исполняет человечество, которое часто позволяет хромым быстро продвигаться по пути к счастью, оставляя позади себя людей крепких, но ранцагающих своими ногами“.

Заметим, кстати, что А. Уоллес не допускал мысли о том, что процесс отбора устраняет в современном обществе низшие и более вырождающиеся человеческие типы. „В одной из последних бесед наших с Дарвином, — пишет Альфред Уоллес, — он высказал очень мрачный взгляд на будущее человечества на том основании, что при современной цивилизации, естественный подбор не играет никакой роли и что наиболее пригодные не выживают. Те, кто выживают и являются продолжателями человеческой расы только благодаря своему богатству, ни в каком случае еще не лучшие и не наиболее интеллигентные люди“.

„Монополия богатства“, — писал Энрико Ферри, — обеспечивает победу в борьбе за существование: — богачи живут дольше людей плохо питающихся, хотя они и менее сильны“.

Людвиг Кржижский писал почти буквально следующее: высшее положение, открывая дорогу сибаритству и физическим эксцессам, разрушает здоровье евгенистов, обособленных в отдельном сословии и ведет к вырождению последующих поколений. Римский патрициат подвергся полному физичес-

кому вырождению, а вслед затем и умственному. Аристократические роды в течение определенного времени вымирают. Современная плутократия в третьем или четвертом поколении гибнет". Пон обращал внимание Спенсера на то, что английскому дворянству недостает благородной осадки. В Пенании рассказывают, что когда в залу должен войти гранд, то можно было ожидать, что войдет выродец. Во Франции писали, что видя массу лиц из аристократии можно полагать, что мы находимся в обществе больных. Маркиз де Мирабо называет тех пигмеями, засыхающими и плохо вскормленными растениями (Т. Рибо)" (Людвиг Крживицкий. Психологические расы. Опыт психологии народов. С. II. 1902 г. Стр. 214).

„Замечательно, — говорит проф. П. Г. Оршанский, — что именно, в таких пунктах земного шара, где эта форма борьбы (внутренней борьбы человека с человеком) достигла высшего напряжения, например, в цент-

ральной Африке, в центральной Австралии, эволюция человека, как физическая, так и духовная и социальная, не сделала больших успехов. Несмотря на богатые ресурсы природы, на большие массы населения в центральной Африке, где внутренняя борьба между человеком и человеком была сильна, культура остановилась на довольно низкой степени и замерла".

Борьба за богатство и власть ведет в современном обществе к победе бессовестных элементов, превращается в подбор развращенных и в вырождение как сильных, так и слабых личностей.

К слову сказать, война в свою очередь, создает не сильных, а слабых. В армию берется сильная и здоровая молодежь, убивается и калечится. Вне армии остаются относительно физически слабые элементы, и эти слабые элементы дают слабосильное потомство.

А. А. Карелин.

Н. МАХНО.

К истории Испанской Революции и роли в ней правых и левых Социалистов и Анархистов.

Когда вспыхивает революция, независимо от того, какого она характера — политического или социального (в данном случае важно, чтобы в ней приняли участие широкие массы труда), и когда вожди ее в лице ли хорошо спаянных коллективов, или в лице особо-авторитетных широких массовых отдельных лиц, заходят перед массами, не идут вместе с массами, как бы не доверяют массам, чего-то выжидают, или что еще хуже — стремятся со стороны казаться друзьями этих лиц указывать им пути борьбы, — тогда революция не достигает в своем развитии надлежащих своих высот, потому что она не справляется, терит правильную оценку моментов и своевременную формулировку связанных с ними своих задач, которые она во время должна выполнять. И это не дает революции во время обрести себе дополнительные, отвечающие моменту и силе врага, средства социального действия. Это обрекает ее спускаться на неопределенные пути и путаться на их губительных зигзагах. Тогда именно революция или гибнет под ударами тех, против кого она направляла свои удары, или же меняет свое направление, суживает свои русла и заканчивается по рецептам своих врагов.

В силу этих причин так было во многих революциях нашего времени и в Европе и в Америке. То же самое случилось и с революцией в Испании. Правда, испанская революция отличается от ряда других современных революций своими своеобразными особенностями. Она началась не посредством революционной бури на улицах городов и сел, она началась посредством выборного бюллетеня у ури. Но она в своем последующем процессе, благодаря действиям левых, оторвалась было от своих начальных корней и пробивалась на широкие просторы социального действия за социальное раскрепощение трудящихся. И если испанская революция заканчивается все-таки под властным руководством и по рецептам ее врагов,

заканчивается трагично для судеб трудящихся, многих революционеров и того, что они создавали, — то ответственность за то ложится в большей мере на левые испанские группировки. За такой исход народного освободительного дела ответственность ложится и на социалистов — государственников и на социалистов — антигосударственников, т. е. на наших товарищей — анархистов — коммунистов и анархо-синдикалистов.

На правых социалистов — государственников ответственность ложится потому, что они с первых дней революции не были с революцией, а были с партией Алкала — Замора и его класс представляемый буржуазным классом. Правда, рядовые и особенно рабочие — социлисты этого не хотели, они этого даже не замечали, потому что верхи их партии скрыто, всеми путями, ценою самой революции стремились к тому, чтобы вместе с буржуазией придти к власти над страной, а открыто и то не всегда, иногда только, когда рабочие социалисты, находясь в среде широкой трудовой массы, не находили, что отвечать этим массам за поведение их партии, они становились лицемерно в индючью позу в отношении буржуазии и тихонько пугали ее представителей, что они дескать готовы сами взять власть в свои руки, они, дескать, представители трудящихся и для этого найдут себе много союзников в их классах. Эта двойственная роль социалистических верхов в отношении революции, — хотя иногда и заставляла партию Алкала-Замора оглядываться при своих действиях на возмущение широких трудовых масс, прислушивавшихся к другим революционно-социальным организациям; но она, эта роль, вносила дезорганизацию в самые понятия трудящихся своих задач и начавшейся революции, и вытесняла из их стремлений все наилучшее, наиболее отвечающее их жизни и борьбе, во имя того что они с интуитивным встретили даже одну полную победу партии Алкала — Замора над

королевской партией и самим королем. Трудящиеся Испании инстинктивно предчувствовали и начинали верить, что придвигается время новых свободных общественных форм жизни, а правые социалистические верхи внешне как-будто восторгались этим, а тайно работали, как изменники, вместе с Алкала-Замора против этого, чем и нанесли величайший удар революции в самом ее начале.

На "коммунистов" — большевиков — на этих так сказать "самых левых из левых" социалистов - государственников ответственность ложится потому, что они работали не во имя подлинных освободительных дел трудящихся, а во имя своих грязных властнических целей. Они встретили революцию, как средство с помощью которого, с одной стороны, можно более развязно дурачить всевозможными неосуществимыми, ложными обещаниями пролетарские головы и прибирать их к своим властным рукам, чтобы с их физической помощью утвердить в стране свою черную партийную диктатуру, а с другой, — когда широкие трудовые массы не так уж легко поддавались их демагогической лжи, коммунисты - большевики занимались тем, что подкупали и обманывали отдельных выходцев из рядов трудовых масс и всякого рода каст и с их помощью устраивали на улицах городов по духу, но содержанию хотя и легкие, но кровавые демонстрации, зовя к этому и совершенно безоружные широкие массы. Демонстрации этого рода им иногда удавались. Кровь лилась без расчета с заранее предрешенной неудачей того, что из далекого далека кем-то что-то задумывалось...

Все это только укрепляло коалицию правых социалистов - государственников с партией Алкала - Замора и с буржуазией вообще и усиливало ее мощь не только против неразборчивых пошлых диктаторов слева, сколько против революции вообще.

"Коммунисты" — большевики — русской марксо - ленинской школы — это незуиты и предатели всего, что не ими обыкновенно начинается и развивается вообще на путях борьбы за освобождение труда от власти капитала. В испанской революции они не так сильны были и есть в настоящее время, чтобы выявить эту свою подлость полностью; но

и в Испании они прибегали к провокациям и к подлой клевете, при том менее всего в отношении буржуазии, а главным образом в отношении своих идейных противников. Это обстоятельство также сыграло известную роль в том, что революция в своем процессе развития едва успевала отрываться от своих начальных корней и высвободиться из под влияния буржуазных идей и руководителей, как ей наносился моральный удар — именно этими предателями "слева". И все — во имя власти и угнетения, а не свободы. Во имя диктатуры, а не свободной общественности, где солидарность, свобода и равенство мнений всех граждан, искренне порывающих с подлым эксплуататорским прошлым и действующих во имя настоящего и будущего являются главным основанием борьбы за новый мир идей и новое общество.

На анархистов - коммунистов и анархо-синдикалистов ответственность ложится, главным образом, потому, что они совершенно разошлись с временем, приняв самое активное участие в революции как будто с целью отнятия у либеральной буржуазии инициативы и прав определять с ее классово-партийной точки зрения характер и формы революции, они совершенно игнорировали требования нашего времени и значение тех средств, которыми буржуазия была вооружена и бдительно подстерегала и революцию и их самих, как революционеров, имевших наибольшие шансы увлечь широкие трудовые массы за собой и расчистить пути, перехода революции с буржуазно - республиканских путей на путь трудовой и социальной.

Каковы же были причины, предрешившие то, что анархисты и в испанской революции оказались беспомощными определить и выявить свою практическую политику на путях борьбы за превращение буржуазно-республиканской революции в антиреспубликанскую — социальную революцию?

Главными причинами является — во-первых, отсутствие у анархистов программы, без которой при изпреданнейшем отношении к революции рабочие анархизма никогда не могли ни в одной стране, не смогли и в Испании, найти путь для единства своих дей-

ствий, от которого всегда и особенно в моменты революции зависит и рост движения и его влияние на все окружающее. Во-вторых, наши испанские товарищи, как и товарищи во многих других странах, во многих случаях придерживаются все еще того мнения, что анархизм есть бездомная странствующая церковь свободы... Это обстоятельство во многих случаях мешало им своевременно и четко канкретизировать и для себя и особенно для широких трудовых масс главные элементы анархических утверждений сегодняшнего и завтрашнего дня, которые сотнями нитей связаны и переплетаются с повседневной жизнью и борьбою трудящихся вообще. И это же обстоятельство не позволило им справиться с исторической миссией анархического революционизма в момент революции.

Испанские анархисты - коммунисты и анархо-синдикалисты, несмотря на весь их идейный авторитет в стране, не сумели полностью и серьезно, по-революционному, овладеть психологией широких масс, сочувственно лишь встретивших начало революции, но остававшихся еще на путях обывательского колебания, чтобы сделать из них активных борцов за развитие и защиту революции. Ощувив относительную свободу, анархисты, как и обыватели, увлеклись свободоговорением. Они много свободно говорили и писали, о чем угодно, много провозглашали каких угодно деклараций, особенно на митингах. Но почти при всех этих случаях упускали из виду то, кто пришел на место королевской власти к управлению страной, чем пришедший к этому управлению опутывает пробудившуюся и готовую к лучшему из дерзаний за свое обновление страну, и так, с какими именно средствами нужно поступить, чтобы противопоставить все свои и революционных тружеников силы против этого опутывания.

Но в этом направлении к сожалению своевременно и в широком организованном масштабе ничего предпринято не было, хотя это нужно и должно было быть предпринято; для этого и момент был подходящий да и силы были. Это ведь был момент в испанской революции, когда революционные анархисты имели шансы больше, чем какие бы то ни

было другие испанские революционные группировки, чтобы определить в практике свою революционную политику и стратегию этой последней по выявлению нового этапа в революции. В это время анархисты имели за собой силы. В это самое время Национальная Конфедерация Труда, руководимая анархистами, росла членским трудовым комплектованием с поразительной быстротой и становилась почти для всей трудовой страны своего рода трибуном, вселявшим в себе искреннее и глубокое доверие широких масс страны и отражавшим их вековые чаяния — во что бы то ни стало освободиться от власти капитала, стал независимым от буржуазно-капиталистического общества, разрушить его во имя общества равных — безвластного трудового общества!..

На максимальное выявление роли нашего движения ими в этом направлении обязывало анархистов и то, чтобы разбить козни буржуазии, отстранить ее от руководства начавшейся политической революцией, не допустить закончить революцию по ее, буржуазии, рецептам, и то, чтобы расчистить в русле этой уже начавшейся революции пути идеям революции социальной, о которой, что она в Испании идет ускоренными темпами на смену политической революции так много пророчествовалось нашим товарищами даже такими меньшевиками в нашем движении, каким оказался впоследствии товарищ Пестанья.

Значит ли это, что анархисты-коммунисты и анархосиндикалисты в испанской революции 1931 года ничего не делали для того, чтобы наше движение не осталось, как оно, к сожалению, осталось у разбитого корыта, а выбило бы буржуазию из руководящей линии фронта революции и повело трудовые массы на борьбу за новый мир, идеи свободы и вольного труда? — Я думаю, что нет!! Наши испанские товарищи самоотверженно шли на все, чтобы политическую революцию превратить в социальную. Они много повесили на этом пути жертв и некоторые из них несут их сейчас, когда революция совсем уже задумевая. Но жертвы их были напрасными жертвами, потому что они их несли и несут ненужно.

Благодаря тому, что анархизм — повто-

ряю — не имеет определенной программы, благодаря тому, что анархические действия строились и строятся все еще и теперь на принципе распыленности, а не на единой тактике, определяемой и направляемой единой идеологией, единой целью, благодаря именно этому анархисты Испании не могли справиться с этим делом и более духом слабые из них под знаком "глубокого сознания своей ответственности", сменил свое оружие на известный всем уже, тактически неуместный в ходе революции, так называемый "Манифест Тридцати". Более смелые, темпераментные люди, могущие не только говорить, но и умирать за свои идеи, изнемогают в душных казематах, изнемогают на пароходах в пути, высылки на далекие дикие острова, изнемогают на этих островах.

Таковы в общем основные черты тех упущений, ошибок, гибельных для революции действий, совершенных левыми испанскими группировками во время решительных, редко когда повторяющихся, моментов пробуждения и дерзания за лучшее страны, и таковы же те элементы ответственности всех левых группировок, из которых она по силе и значению всех упущений, ошибок и действий, слалась и целиком ложится на все эти группировки за такие результаты революции.

Не знаю какие выводы из этого покажут сделать социалисты-государственники, одни из которых к лучшему не смогли дойти на путях испанской революции, как только к зазеиванию перед буржуазией, а другие к тому, чтобы сделать других лакеями. Но мне кажется, что революционным анархистам есть над чем подумать, чтобы предостеречь себя и свое движение на будущее и в той же Испании и во многих других странах, чтобы больше не только не повторять испанских ошибок, но и не оставаться на постах современных революций без таких средств, которые действительно отвечали бы защите того, что анархистами может утверждаться в практике революции и за что современным революциям там, где анархисты идут в авангарде масс, приходится выдерживать ожесточенные атаки и со стороны буржуазии и со стороны социалистов - государственников.

Конечно, это не значит, что революционные анархисты должны искать таких средств в большевизме и на путях тесного контакта с большевистским государством СССР, к чему стремится сам и зовет других по-своему невежеством повзвешенный, "теоретик" анархизма Петр Аршинов (читай его контр-бандитского характера брошюрку: "Анархизм и диктатура пролетариата", которая здесь в Европе секретно ходит по рукам некоторых. Н. М.). Революционным анархистам искать в большевизме нечего. Они имеют свою мировую революционную философию и основанную на ней школу с совершенно противоположными большевизму задачами на путях жизни и борьбы трудящихся классов. И они, революционные анархисты, не могут согласовать своих целей с целями панбольшевизма, столь дико посредством рубля и пытки утверждающего себя в жизни трудящихся в СССР, игнорируя всякие права этих же трудящихся, делая из них ему целиком во всем послушных рабов, не смеющих самостоятельно ни мыслить, ни рассуждать ни о своем, ни о других благополучии, ни о сегодняшнем, ни о завтрашнем дне его.

Ни одно лицо, ни одна из групп анархических, как бы они ни были преданы движению, не в состоянии выполнить эту задачу. Это свидетельствуют все попытки, какие известны нам до сего дня. И это понятно почему. Ни одно лицо, ни одна группа не объединяют и не могут объединить все наше движение в его национальном, не говоря уже о международном, масштабе. Выполнить такую грандиозную и ответственную задачу возможно только коллективному интернациональному анархическому уму. Об этом я говорил 7 лет тому назад т. т. Рудольфу Рокеру и Александру Беркману, будучи еще в Берлине, об этом же я особенно подчеркиваю теперь, когда после целого ряда попыток многими анархистами что-то создать в практическом направлении, прямо говорят за то, что иного пути к созданию определенной программы, к разработке и утверждению соответствующих времени и силе наших врагов средств анархического движения, нет, как только того, что активные теоретики анархизма, вместе с активными и преданными движению прак-

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

(Статья первая).

КРИЗИС СВОБОДЫ.

Идея Свободы переживает сейчас одну из самых печальных эпох в истории человечества. Идея свободы опять почти неизвестна, отрицаема или плохо понимаема; ее проповедники и защитники, или забыты, или презираемы.

Свобода сейчас находится в загоне почти во всех странах, даже и в тех, которые без революции за Свободу и не существовали бы. Сейчас почти во всех странах мира преобладают и процветают идеи насилия и господства и примитивные инстинкты животного состояния человека ненависти и злобы.

Даже и среди угнетенных масс сейчас властвует ненависть и злоба и в своем большинстве они все еще питают иллюзию, что какая-то новая тирания сможет их освободить от этой тирании, от которой они страдают сейчас. Приверженцы свободы опять остались

тиками, должны устроить предварительную международную свою Конференцию и на ней наметить общие тезисы по указанным вопросам и с ними явиться на Международный Анархический Конгресс. Конгресс эти тезисы разовьет и дополнит. Из конгресса они, эти тезисы, выйдут в законченном программном виде и явятся духовным авторитетом для нашего движения в каждой стране. Это избавит наше движение от уродливых паросотв, и придаст ему то могущество, которое так необходимо для него, когда оно становится в авангарде современных революций.

Правда, работа в этом направлении не из легких, но желание и солидарность тех, кто может и хочет осуществить это, может облегчить ее. Пусть только эта работа начнется. От этого наше движение только выиграет.

Да здравствует дружное единое устремленное всех работников анархизма к осуществлению этого великого дела — дела нашего движения и мыслимой Социальной Революции!

Франция. 1931 г.

в меньшинстве и должны вести гигантскую борьбу, чтобы удержать идеал свободы от нападков врагов и попыток жедрузей извратить его и заменить его жаждой насилия, мести и господства.

Властительный дух в одних и дух подчинения в других сейчас угрожает своим отравленным дыханием самым корням и основам человеческой цивилизации. Только посетители высшей справедливости и идеи полного освобождения — анархисты — продолжают подымать все выше и выше знамя свободы и несмотря на все бури и невзгоды с глубокой и горячей верой продолжают утверждать в жизни идеал Свободы и всеобщего благосостояния и, несмотря на все противодействия врагов Свободы и все прегрешения созданные ими, продолжают сеять и взращивать в людях любовь к свободе, независимости и уважение к человеческой личности. И хотя медленным темпом посев дает свои плоды и идея свободы все больше и больше начинает опять укореняться в умах и чувствах людей.

Свобода умереть не может. Также нет ни такого железа, ни такого ада, которыми можно было бы убить ее, она живет в личностях и в народах. И даже те, кто будто меньше всего чувствуют ее духовную необходимость, инстинктивно ищут ее и стремятся к ней. Но больше всего сила ее чувствуется и проявляется в анархически мыслящих массах. Тысячи изгнанников всех стран являются отображением активной свободнической действительности, живым выражением и представлением идеи Свободы и самого высшего смысла жизни: борцы за полное освобождение человека от великого насилия и принуждения и строители новой лучшей человеческой общности. Все эти люди рыщут по миру в поисках Свободы, и если они нигде пока еще не находят ее, то потому, что Свобода еще нигде не превратилась в реальную действительность ни при каком режиме, благодаря тому, что большинство ее приверженцев доверяли ее осуществление

именно противникам ее, которые ничего иного и не могут делать как задушить ее. Теперешний кризис Свободы является следствием того, что большинство ее приверженцев надеялись осуществить и утвердить ее при помощи авторитета или правительства, простым изменением или переделкой авторитетов, а не при помощи полного исключения авторитетов и методов насилия вообще.

Все политические партии, вышедшие из демократических революций, от 18 века и до сегодняшнего дня, обещали и обещают свободу. Но все их демократические эксперименты даже и самые искренние, показывали свое бессилие и свою недостаточность, чтобы дать людям свободу и заканчивали, в конце концов, реакцией и тиранией.

Иногда благодаря тому, что сами демократы превращались в реакционеров; иногда же, благодаря непригодности демократического режима, они вынуждены были предоставить дело реорганизации общественной жизни силам враждебным свободе.

Две причины осуждали на неудачи самые радикальные и самые смелые опыты радикальной демократии XIX и XX веков; первая, это—капиталистическая экономия, которая, несмотря на все самые свободнические на словах конституции, превращала трудящихся, которые ничем не обладают в рабство немногих, которые обладают всеми богатствами; вторая, это — государственная политика, которая нарушает охрану гражданских свобод врагам Свободы: государству, власти или правительству, чьи функции и состоят именно в ограничении и запрещении Свободы.

Все попытки, от самых умеренных до самых радикальных, осуществить идею свободы при помощи власти и принуждения кончались банкротством. И поэтому наступил час анархистов, которые уже более 50 лет тому назад предвидели, что Свободу можно добывать только свободой, путем свободы и средствами свободы.

После того, как факты доказали правильность утверждения, что нельзя добыть свободу методами противоположными свободе, настал час доказать анархистам пра-

вильность их взглядов положительными действиями, — пустив в действие те методы, которые они считают лучшими и способными улучшить и утвердить свободу в человеческих общностях и во взаимоотношениях между людьми.

КАК ПОНИМАЮТ АНАРХИСТЫ ИДЕЮ СВОБОДЫ.

Единственная социально - общественная группировка, которая сейчас имеет интегральную программу действия, имея за основу идеал Свободы это — анархисты. Ибо, Анархия это, в полном смысле этого слова, идеал Свободы.

Анархическая идея отличается от идей других партий, главным образом тем, что она отрицает какие-бы то ни было **правительственные** программы и не ожидает своего осуществления от завоевания политической власти. По пониманию анархистов, никакое правительство и не смогло бы ее осуществить, ибо правительство и свобода — непримиримые враги.

А отсюда вытекает и тактика и методы анархистов. Они не говорят трудящимся и народу вообще: "Дайте нам в руки власть, или пошлите нас в парламенты, и мы вам дадим Свободу и благосостояние". Наоборот, они говорят и не устают повторять народу, что никакая государственная власть никогда и ни при каких условиях не сможет освободить народ; ни даже если бы властью овладели бы анархисты. Свободу, утверждают анархисты, народ будет иметь только тогда, когда народ завоеует ее своими собственными усилиями, своим сознательным действием; и сохранит ее только тогда, когда будет знать как защищать ее против всех тех, кто ее будет осуждать или нападать на нее и сумеет сам организовать свою общественную жизнь на свободных и равенственных началах, не допуская внедрения в свою общественную жизнь какой бы то ни было власти.

Свобода — по пониманию анархистов — есть неизбежный и неизбежный фундамент, точка отправления, цель и метод борьбы и активности анархизма. Свобода это — фундамент всякой человеческой общественности, неизбежное и неприкосновенное личное и об-

ественное право, которое уже и сейчас утвердилось как правило поведения во всех областях человеческой деятельности.

В области моральной, воспитательной и культурной анархисты стоят за свободу личностей и коллективов и против всякого принуждения в области мышления, экспериментирования и активности; против всех перковных и религиозных предрассудков, которые сковывают мозги, вынуждают их принимать все без рассуждения и не допускают к свободному исследованию правды и жизни природы. Анархисты встают против всяких догматизмов и софизмов и научных и политических априоризмов, которые душат мысль и является главным препятствием к исканию новых, лучших и более смелых истин; против всякого авторитета, против традиций, которые говорят с авторитетом: "до сих пор и не дальше", проповедуя среди людей истину окончательно противоположную: "всегда вперед и всегда выше".

Анархизм отстаивает свободу человека — всех людей — как личности и как членов общества против всех политических насилий и экономических принуждений. Стоит за уничтожение всех государственных и правительственных институций, имеющих авторитарные и властнические функции и характер и стремится к замене этих институций свободными социальными взаимоотношениями. Закрытой правительственной и государственной организации этих сношений, анархисты противопоставляют свободные и добровольные организации, всегда расторгимые союзы взаимного соглашения, основанных на добровольных взаимных договорах и взаимной помощи. Свобода каждой личности внутри такого объединения будет гарантией свободы для всех вместе. И наоборот, каждый будет более свободным, чем большей свободой будут располагать все остальные люди.

В свободнической среде какое бы то ни было авторитарное пользование окажется осужденным на неудачу именно потому, что в этой среде будут отсутствовать привилегии и наличие какой бы то ни было власти и авторитета, чтобы навязать другим свою

волю и, кроме того, найдет в свободе непреодолимое препятствие для своего утверждения.

Но свобода моральная и политическая окажется словом, лишенным всякого содержания и смысла, если она не будет базироваться на свободе в области экономической и когда не будут отсутствовать в обществе какие-бы то ни было привилегии и всякая возможность эксплуатации человека человеком.

Свобода желаемая анархистами в области экономической это — освобождение человека как личности и всех людей без исключения как производителей и как потребителей от экономического насилия частного, государственного или общественного капитализма и какой-бы то ни было монополии собственности; уничтожение экономического рабства, при котором большинство людей являются вынужденными служить вычным животными для небольших групп захватчиков и насилиников, которые голодом и насилием принуждают большие человеческие массы работать на себя и служить своим групповым интересам.

Освобождение народа, всех людей, из цепей нужды есть одна из самых важных задач анархизма, и после революции будет лучшей гарантией против возможности возврата к старым государственным и авторитарным режимам. И одна из первых задач анархизма поэтому есть замена режима экономического рабства и экономических привилегий свободной и гармонической организацией производства и потребления на основах добровольного объединения и взаимной помощи.

Такое переустройство общественной жизни возможно только при помощи свободной экспериментации и кооперации народных масс в зависимости от тех условий и среды, в которых это общественное переустройство будет совершаться.

А этого можно достигнуть только убеждением и свободным сотрудничеством всех тех, кто должен будет осуществлять и жить в этом новом обществе.

Анатолий Горелк.

Ф. Другов.

Убийца Асина о своем кровавом деле

Через три месяца после напечатания в "Пробуждении" (№ 21—22) моего очерка о "Даче Дурново" в "демократической" газете "почтенного" профессора Милюкова ("Последние Новости" № 4150 от 2/7 — 1932 г.) появился очерк "Из воспоминаний бывшего начальника контр-разведки и ген. — квартирмейстера", проще говоря охранника Б. Никитина под названием: "Дача Дурново".

Уже один титул автора этого очерка вызывает отвращение, но на этот раз очерк, написанный кровавыми руками орханика, привлекает наше внимание как редкий документ, где буржуазия руками своего тупоглазого палача публично с циничной откровенностью описывает свой дикий страх перед одним словом анархист и дальше похвастается, как она, в сообществе с монархистами и социал-дегенератами, подговаривала черносотенных генералов двинуть на убийство одного анархиста, путем подлого обмана, солдат и казаков и как потом палачи хохотали над трупом убитого ими анархиста и над одураченными ими солдатами, не понимавшими своей роли в этом мерзком преступлении.

Документ этот заслуживает того, чтобы о нем знали все и особенно те — кем буржуазия могла бы воспользоваться как слепым орудием для борьбы против анархистов, но, к сожалению, за недостатком места мы не можем напечатать признание полностью в нашем журнале и потому ограничимся напечатанием лишь тех мест, которые более ярким образом характеризуют моральное падение врага анархизма.

Вот как охранник Б. Никитин описывает свое кровавое дело на "Даче Дурново":

"На берегу Невы, совсем недалеко от заводов Выборгского района, стоял двухэтажный дом, окруженный великолепным парком. Вся усадьба с начала революции была захвачена небольшой группой выпущенных на свободу грабителей. И вот, вокруг живописного уголка нашей столицы одна за другой начинают складываться легенды,

нередко самого противоречивого содержания. Слухи быстро облеклись в фантастические образы; а образами жонглировали на митингах увлекательные демагоги, глаголящие устами "самого народа".

На эти призраки много энергии и времени потратил Всероссийский съезд советов, собравшийся в Петрограде 3 июня. Присутствие на даче одного — двух анархистов сразу же выросло в целую группу анархистов — активистов. Митинг в 123 человека разного рода клиентов прокурорского надзора разросся в полномочное собрание анархистов — коммунистов, посылавшее по той же летучей почте в Таврический дворец свои ультиматумы и угрозы вооруженных демонстраций. А тут же 14 июня еще и Либер сообщил о ядре, но уже не анархистов, а монархистов, заседавших на той же даче Дурново, под предводительством мифического полковника Гаврилова, которого, кстати сказать, так до сих пор никому и не привелось увидеть. Этот весьма сложный случай был совсем особенным: здесь даже умеренные социалисты затруднялись поставить свой диагноз, как отнестись к частной собственности, отобранной у Дурново. С одной стороны, — они были склонны порицать захват дома; но в то же время, с другой, — в отношении парка — совершенно недвусмысленно разъяснили, что он должен быть закреплен в пользу народа.

Слухи о готовящихся вооруженных демонстрациях большевиков все чаще и настойчивее носятся в кулуарах. Часть умеренных членов съезда выдвигает контр-проект в виде мирной демонстрации и, в свою очередь зовет всех 18 июня выйти на улицу. Однако, день манифестации проходит не по плану ее миролюбивых инициаторов, но по новой программе большевиков и к полному торжеству последних.

Около шести часов вечера, подойдя к окну своего кабинета на Воскресенской набережной, я увидел на противоположном берегу Невы большую толпу народа, окружившую тюрьму — так называемые, "Кре-

сты". Зову дежурного старшего агента Ловцева: "Возьмите с собой нескольких агентов и пойдите в "Кресты". — Указывая ему на толпу: — "Узнайте, кого выпустили из тех, кто числится за мной, и куда они отправились".

Примерно, через час Ловцев возвращается: "Из посаженных вами освобождены: Хаустов, Мюллер и Еремеев. Два последние ушли на дачу Дурново, куда я послал за ними четырех агентов".

Далее охранник Б. Никитин дает справку из дела о Мюллере и Еремееве, из которой явствует, что Мюллер возвратился в Россию после революции с партией политических эмигрантов, был арестован охранкой, но уже в мае 1917 г. толпа освободила его из тюрьмы и Никитин оставил его в покое, но в июне Мюллер был вновь арестован за противоправительственную пропаганду на митинге своим оппонентом "всемогущим членом совета" и передан в охранку. Никитин предусмотрительно скрывает имя своего тайного агента из состава доставившего ему Мюллера, впрочем, в то время, как видно из описаний Никитина охране служили многие члены совета из социал-предателей.

О Еремееве Никитин сообщает как о дезертире из армии, но не скрывает, что вожди совета Гегечкори и Чхеидзе настаивали на освобождении Еремеева как политического деятеля.

О третьем выпущенном на свободу Хаустове Никитин ничего не упоминает. Повидимому репутация вождя 1-го пулеметного полка была безукоризненна даже для охранки, не сумевшей ничего напечатать на него, однако, все же державшей его в тюрьме.

Далше Никитин пишет:

"Узнав от Ловцева имена выпущенных, звоню по телефону начальнику штаба Балабину: "Сейчас толпа выпустила из "Крестов" Мюллера и Еремеева, которых я послал по просьбе Петроградского и Закавказского советов солдатских и рабочих депутатов. Они ушли на дачу Дурново. Послал в догонку агентов, но, конечно, моих сил недостаточно. Не придумаешь ли чего-нибудь под эти советские приказания?"

— "Попробуем", — услышал я ответ.

Узнав от Балабина эти подробности, Половцов едет в Марининский дворец на заседание временного правительства; предлагает последнему взять дачу Дурново; но видит колебания некоторых министров, встречает неопределенное отношение, ными словами, и может добиться никакого ответа. Отчаявшись, он уже выходит из зала заседаний, когда его нагоняет Переверзев: "Генерал, я санкционирую ваше предложение именем правительства, как генерал-прокурор, беру ответственность на себя и сам еду с вами".

Едва проходит час с небольшим после моего разговора, как меня вызывает по телефону Балабин: "Мы решили под видом возвращения твоих двух беглецов, арестованных советами, сегодня же ночью взять дачу Дурново. Приезжай поскорей".

Через четверть часа я в штабе округа. Первым встречаю Половцова, — ослепленного, в сильно приподнятом настроении. Он обращается ко мне с дружескими, теплыми словами, вспоминает несколько славных, трудных боев Дикой дивизии: "Прошу тебя, — кончает он, — забудь свои новые должности, считай, что ты снова в штабе нашей дивизии, и разыграем вместе дачу Дурново. Неужели ты мне откажешь?"

"Конечно, нет, с радостью", — отвечаю я. Кругом все в движении. Вызываю для юридического надзора тов. прокурора А. и Снегиревского.

Однако, положение главнокомандующего самое неоптимальное: войска не могут выступить без разрешения совета, но посвящать в наши планы хотя бы контрольную комиссию из 8 членов совета — прямо опасно, так как мы не только не получим разрешения, но нам попросту запретят выступление. Вот почему Половцов ограничивается принципиальным разговором с тремя членами совета, наиболее решительно настроенными, между прочим, с Сомовым. Каждый из них, в отдельности, ясно высказывается, что заседавших на даче Дурново следует разогнать немедленно. Добиваться от них большего было бы неосторожно.

Далее, чтобы собрать самый отряд

Половцов пускает в ход всю свою изобретательность. Даже лучшим частям, как 1-му Донскому полку, командам преобразенцев и семеновцев из отборных людей, он предложил, каждой в отдельности, явиться условно на сборный пункт — к Литейному мосту к 4-м часам утра, и там уже, а не в казармах, убедиться, что выступают они не одни, а вместе с другими и, главное, с разрешения совета.

В 4 часа у моста момент критический. Он сходит благополучно, только потому, что людей вытянули из казарм, и они были тщательно выбраны из тех, кто наиболее сохранил подобие воина.

Но солдаты Семеновского полка топчутся на месте у Литейного моста и генералам приходится уговаривать их, прибегая к хитрости и обману:

“Неужели вы не верите мне, — вашему главнокомандующему? Разве я могу повести вас на дурное дело?” — Унтер-офицер стоит перед Половцовым, вытянувшись, каблуки вместе. Ему стыдно требовать, как будто неловко вспоминать о письменном предписании! Он явно избегает титуловать “господин генерал”. Так и кажется, что с языка сорвется: “Ваше превосходительство”.

— Да ведь члены совета решили захватить тех, кто был пойман по их же приказанию, — продолжает Половцов, и тут же, как последняя — была не была, вдруг заявляет: — Наконец, и бумага у меня в кармане.

Стою рядом, боюсь посмотреть на Половцова: а, ну как попросит показать... Хочу отвести разговор и громко говорю: “А вот и преобразенцы”.

— Слушаюсь! Идем! — громко восклицает семеновец, отчетливо поворачивается кругом и идет к роте. Тронулись: одна колонна человек в 200 (преобразенцев и семеновцев) — с запада, другая (измайловцы и егеря) — с востока; при каждой ½ сотни казаков.

Беру автомобиль, быстро еду вперед, чтобы ознакомиться с местностью. Обез-заю сначала весь квартал и на углу сле-заю. У ворот в парк два сторожа от за-

севшей банды, потерявшие облик человеческий: грязные, рваные шинели, лица испитые, немые, бороды нечесанные, в руках винтовки. Иду к воротам, и как раз подходит головной разезд, а с ним Половцов. Входим вдвоем, за нами казаки. При нашем появлении, оба караульщика исчезают. Беру солдат, оцепляю дом и одновременно приказываю подобрать несколько десятков хулиганов, завсегдаев ночлежки, мирно спавших под деревьями. Дом заперт со всех сторон.

Возвращаюсь на крыльцо, а Половцов подходит к окну и стучит.

Тем временем небольшой двор заполняется нашими людьми. Приезжает Переверзев. Наконец, из боковой галереи появляется для переговоров высокий представительный матрос — Железняков. Переверзев требует, как генерал-прокурор, немедленно открыть двери. Железняков вступает в пререкания, говорит о свободах и правах народа на дома и земли. Складная речь его течет быстро, слов не подыскивает; держит себя непринужденно. По внешности — это не татуированная физиономия бульдога, — напротив, высоко закинутая голова, с правильными чертами лица при открытом вороте, даже импонирует.

— Вы, товарищ-министр, войдете в дом только через наши трупы, — заканчивает он и быстро скрывается в галерею, откуда уже слышатся стук молотков, заканчивающих двери.

— Генерал, — обращается Переверзев к Половцову: — предоставляю вам распоряжаться и занять дом войсками.

Половцов идет к окну и командует: “Вперед!” Но наша воинская сила притихла и не двигается; ей, как будто, и нет совсем. Вдруг вперед кидается ординарец Балабина — студент Петроградского политехникума. Он с разбега вскакивает на подоконник, широким взмахом обеих рук разбивает стекла, высаживает перешлет рамы и спрыгивает по ту сторону. За ним влезает мы — три офицера Дикой дивизии: адъютант Половцова корнет М. А. Масленников, ротмистр Рагозин и я. Войска безмолвствуют, стоят, как вкопанные.

Положение Половцова очень трудное; он снова пускается на хитрость: "Преображенцы, что же вы стоите? Смотрите, семеновцы уже вошли!", — говорит он у одного окна преображенцам. Быстро переходит на другой фас и приглашает уже семеновцев поспешить, — "чтобы догнать преображенцев, которые уже вошли". Потом возвращается к преображенцам, невозмутимо стоящим во дворе, и монолог возобновляется.

Несколько казаков урядников постепенно втягиваются в дом, за ними десятка полтора солдат. Тут очень быстро происходит малая неприятность: противник начинает кидать ручные гранаты из окон и балкона верхнего этажа во двор; впрочем, он забывает выдернуть предохранители, и ни одна граната не взрывается. Несколько подобных гранат были брошены и около лестницы внутри самого здания. Для наших воинов этого оказалось достаточно: солдаты, забравшиеся было в дом, опрометью бросаются назад, высыпаясь из окна, в которое мы пролезли, бегут через двор на набережную, а за ними убегает и все наше войско.

Теперь обстановка такая: в здании остались мы — офицеры. Во дворе стоят Переверзев с прокурором судебной палаты Каринским, Половцов с Балабининым и несколькими офицерами, а с ними один, все он же — последний солдат — унтер офицер Л. Г. Семеновского полка. Он начинает свистеть, кидается на улицу, сильной рукой поворачивает и вталкивает во двор отдельных солдат. Паника постепенно прекращается; многие, но, конечно, не все, возвращаются во двор, после чего, наступление начинается сначала.

Уютный, когда-то хорошо обставленный, двухэтажный дом, превращенный в ночлежку, постепенно очищается. Сопротивление оказывает только одна комната, в которой заперлись Железняков с Асниним. Выламывая последнюю дверь, один из солдат просовывает в щель винтовку и, ворочая стволом, печально спустил курок. Раздался выстрел, кстати сказать, единственный. Пуля случайно попадает в спину Аснина и укладывает его на месте.

Возвращаемые вместе в автомобиль. На-

строение от успешного конца у обоих по-выпешное, веселое. "Что, на аркане тащил свою гвардию!" — смеюсь я над Половцовым.

Через час приезжает с дачи Дурново оставленный там для наблюдения Снегиревский, с сообщением, что не только в парке собралось много народу, но толпа уже загрохотала прилегающие улицы. Весть о нашем визите и смерти Аснина бежит по городу. Митинг принимает грандиозные размеры; ораторы сменяют друг друга, объявляют "смерть палачам".

Главное управление генерального штаба спешит использовать момент, очень подходящий, по мнению Потапова, для пропаганды. Оттуда посылают на дачу — на автомобиле корнета В. Скосырева с пакетом каких-то прокламаций. Несчастный не успевает доехать, как его стаскивают с машины и жестоко избивают. Скосырев был подобран прохожими в безсознательном состоянии и доставлен в госпиталь.

От преображенцев перехожу через Дворцовую площадь; иду к министру иностранных дел Терещенко. Он ждет меня к 11 часам и знакомит меня в кабинете с офицером французской делегации — капитаном Laurent, оказавшим нам впоследствии неоцененные услуги. "Вот, теперь вы знакомы", — говорит Терещенко: — "и можете обо всем сноситься друг с другом непосредственно без меня".

От Терещенко еду к Переверзеву, который просил срочно сообщить ему точные данные о Мюллере и Еремееве. Узнаю от Бессарабова, что в Таврическом дворце разразилась буря, а поэтому временное правительство назначило особую смешанную комиссию из прокурорского надзора и членов совета солдатских и рабочих депутатов для расследования всего "происшествия".

Матросы - кройшадцы устраивают "борьбу за идею", Аснину, помпезные похороны, с красными флагами, оркестрами, речами "смерть палачам" и т. п.

Таким образом, для нас все кончилось гладко.

Так закончился, по признанию охранника, кровавый налет на мирное здание

Первая встреча с П. А. Кропоткиным.

(Доклад, прочитанный в „Исторической секции Дома Печати“ в Москве в годовщину смерти П. А. Кропоткина).

Почти пятьдесят лет тому назад, именно ранней весной 1872 г., я впервые встретился с П. А. Кропоткиным в Швейцарии, в Цюрихе, у его родственницы Софии Николаевны Лавровой, однофамилицы известного революционера, ученого философа Петра Лавровича Лаврова.

С осени 1869 г. в местном университете и в Федеральном политехникуме слушали лекции несколько русских студентов и студентов. В университете женщины, исключительно только русские, занимались на медицинском факультете, и их было семь студентов, а студентов было человек пять, из коих одни слушали лекции в политехникуме, а другие еще только готовились к поступлению в него. И те и другие жили довольно дружно в это время и составляли одну общую колонию. Довольно часто, по крайней мере раз в неделю, собирались все вместе в чьей-нибудь квартире. Собрания эти всегда были очень оживленные, на них всегда обсуждались какие либо общественные вопросы или же что-либо читалось по тем же вопросам.

Время тогда было очень интересное: война франко-прусская, падение Наполеонской империи, провозглашение французской республики, революционные события на юге Франции, провозглашение коммуны в Лионе, поражение и пленение французской армии,

анархистов, о котором даже такой смертный враг анархизма, как оставленный диктатурщик Л. Троцкий в своих воспоминаниях пишет следующее:

На стр. 483-й „Моя жизнь“, том II он описывает „как представители юстиции и милиции выяснили“, что на даче Дурново „нашли принят ряд просветительных рабочих организаций“ и там „царил полный порядок“.

Полагаю, что особых комментариев к приведенным выпискам не требуется. Читатели запомнят признания охранника и сделают нужные выводы.

Ф. ДРУГОВ.

осада Парижа, революционные попытки там, версальский мир, революция 18 марта, провозглашение Коммуны в Париже, гражданская война, падение Коммуны.

Все эти события произошли за время с конца июля 1870 г. по июнь 1871 года, т. е. почти на протяжении одного года. Тогда же всю нашу группу чрезвычайно интересовала Интернациональная Ассоциация Рабочих, проще говоря, Интернационал, который к этому времени достиг высшей точки своего развития и в состав которого входили рабочие Англии, Бельгии, Германии, Италии, Испании, Франции, Швейцарии и других стран.

Лично я принадлежал к одной из секций Интернационала, находился в близких отношениях с некоторыми видными деятелями его, благодаря чему почти всегда знал, что там делается, где и какие происходят местные рабочие конгрессы, стачки, забастовки, какая издается литература и т. д. Всем этим я пользовался и держал свой кружок, таким образом, в курсе деятельности и жизни Интернационала.

Среди Интернационала тогда уже резко обозначались два течения, или вернее, две партии:

Одна — государственники — централисты с Марксом во главе, а другая — антигосударственники — федералисты с Бакуниным во главе. Первая партия опиралась главным образом на немецкий пролетариат, а вторая — на пролетариат романских народов. Государственники, т. е. Маркс, имел в своих руках Генеральный Совет Интернационала.

В Швейцарии со второй половины семидесятого года центром первых, т. е. государственников, была Женева, а главным местопребыванием антигосударственников (анархистов) была Юра (Шодерфон, Локль, Сонвилье, Сентимье). Во всех этих местах процветала часовая индустрия. Таким образом в нашем кружке, так сказать, отражалась чуть не вся революционная деятельность, чуть не все революционные события тогдашней Европы.

Петр Алексеевич Кропоткин хорошо

знал, благодаря своей родственнице Соф. Ник. Лавровой, о существовании нашего кружка, о его характере, о том, что у нас есть небольшая библиотека, в которой собрано было очень много революционной литературы не только данного времени, но и кое что по части революционных движений прошедшего, по социализму, по современной истории и т. д.

Вот поэтому-то он и направился к нам, когда задумал узнать что такое Интернационал, о котором, начиная с Базельского конгресса, а особенно после Коммуны, так много говорилось и писалось в буржуазном обществе и прессе главных государств Европы.

“Уже много лет мне страстно хотелось изучить все касающееся Интернационала. Русские газеты часто упоминали о нем, но им не разрешалось писать ни о целях, ни о деятельности Международного Союза Рабочих. Я доказывался, что это должно быть великое движение, имеющее богатое будущее; но я не мог хорошо уловить его цели. Теперь, в Швейцарии, я решил найти ответ на все мои вопросы”, — так говорит П. А. Кропоткин в своей книге “Записки революционера” (стр. 208. Издание “Голос Труда”, 1920).

При первой же встрече мой с Петром Алексеевичем в квартире его родственницы, Софьи Николаевны Лавровой, он тотчас же обратился ко мне с целым рядом вопросов об Интернационале, Парижской Коммуне. Первый вечер прошел в довольно беспорядочных разговорах: его интересовала Западная Европа, а нас — Восточная Европа. Ему, по видимому, очень хотелось скорее получить ответы на беспокоившие его вопросы. Во всех наших разговорах, как в этот вечер, так и в последующие, большое участие принимали вышеупомянутая С. Н. Лаврова, а также Надежда Николаевна Сметкая — обе последовательницы Бакунина, анархистки и крупные личности.

В конце вечера, однако, было решено ввести некоторый порядок в наши беседы. Тогда же Лаврова и ее сожительница Сметкая наделили Петра Алексеевича соответственной литературой, имевшейся у них под руками.

В то время в Цюрихе, кроме нашего кружка, никаких секций Интернационала не бы-

ло; в 1870 году существовала еще так называемая “дикая секция” во главе с Грейлихом, примыкавшая к Интернационалу; число ее членов было ничтожное, 4—5 человек, и она к концу года совсем заморзла. Из организаций враждебных Интернационалу, были патриотическое общество “Грютли”, состоявшее из швейцарских рабочих, ремесленников и мелких буржуа, общество строительных рабочих, исключительно из немцев.

В течение последующих вечеров наши общие беседы велись более систематически, более порядочно. Ко всем нашим рассказам и сообщениям он относился очень внимательно, очень вдумчиво и бывало так, что, придя на другой вечер, он снова возвращался к тем же вопросам, о которых говорилось накануне. Все показывало, что он тщательно изучает предмет, критически относится к нашим словам. В виду такого горячего, упорного, настойчивого желания его основательно изучить и узнать задачи, цели, деятельность Интернационала во всем его объеме и со всех сторон, советовали ему съездить в главные центры рабочих-интернационалистов: в Юру и в Женеву. В Юре были сосредоточены последователи Бакунина, так называемая Юрская Федерация антигосударственников, а в Женеве — последователи Маркса, государственники.

“Чем больше я читал, тем сильнее я убеждался, что передо мною новый для меня мир, совершенно неизвестный ученым авторам социалистических теорий. Мир этот я мог изучить, только поживши среди рабочего Интернационала и присматриваясь к его повседневной жизни. Поэтому я решил посвятить такому изучению два—три месяца.

Мои знакомые одобрили мой план и после нескольких дней, проведенных в Цюрихе, я отправился в Женеву, которая была тогда крупным центром Интернационала” (стр. 213, “Записки Революционера”). Выказавши из нас все, что только было возможно и что мы могли ему дать, и заручившись у нас кое-какими указаниями и адресами, он отправился сначала в Женеву, где тотчас же по приезде познакомился с местными вожаками Интернационала: Угнним Николаем, Гросселем, Перре и др. Деятельность их, а также

цели и стремления произвели на него далеко не благоприятное впечатление, о чем он рассказывает в своих "Записках Революционера"; основательно ознакомившись с Женевой, он уехал в Нейшатель, откуда очень скоро перебрался в Юру и поселился там среди рабочих - часовщиков.

На возвратном пути в Россию Кропоткин остановился в Цюрихе, но, к сожалению, я его не мог видеть: — меня больного увезли на юг Франции в Монпелье. С. Н. Лаврова писала мне, что, прощаясь с ней на вокзале, он сказал: "Я с вами и весь ваш", и просил ее передать это мне. Она потом изредка получала от него письма из России, а в то время переписка с заграницей была очень затруднительна. Царское правительство, как и всякое другое правительство, письма предавало перлюстрации, подозрительные письма прямо задерживало. При переезде через границу всякое лицо всегда рисковало быть обысканным жандармами. Мне до сих пор памятно одно из его писем, полученное весной 1873 года по почте.

Кропоткин был, как известно, ученым географом и геологом. В тогдашнем ученом мире русских геологов происходила борьба между плутонистами и непутистами. Первые считали, что внутренность земли находится в расплавленном огненно-жидком состоянии и что главная действующая сила в разных превращениях земли — огонь, а вторые считали главным двигателем воду. И вот на этой почве борьбы он чрезвычайно остроумно и ловко изобразил нам в своем письме борьбу, происходившую тогда среди революционной молодежи: между последователями Бакунина и последователями Лаврова, — бакунистами и лавристами. У всякого постороннего человека, прочитавшего письмо, не возникало ни малейшего сомнения в его правдивости изложения борьбы ученых геологов.

Прошло сорок лет после этой нашей взаимной встречи. Кропоткин в течение этого времени был арестован, просидел два года в Петропавловской крепости, бежал за грани-

цу, где успел приобрести всемирную известность, как ученый, как революционер - анархист, как глава партии анархистов. Я же в то время, нелегально приехав в Россию в 1876 году, был тоже арестован, судим сенатом, приговорен к каторге, и отбыл со всеми последствиями в Сибири, и только через двадцать один год получил разрешение жить в России.

В 1912 году я был временно за границей и на несколько дней приезжал в Лондон, чтобы, между прочим, видиться с Кропоткиным со специальной целью издания сочинений М. А. Бакунина. Так как мне самому тогда безусловно невозможно было переехать на более или менее продолжительное время за границу, чтобы предпринять это издание, то я предложил ему взять на себя общее руководство этим предприятием и редакцию его. Он вполне одобрил весь план предстоящей работы и обещал полное свое согласие на мое предложение. Но, увы, к моему большому сожалению, ему пришлось отказать от своего обещания в виду его болезни и необходимости закончить свое сочинение "Этика".

Конечно, мы встретились, как старые друзья, но роли наши на этот раз совершенно переменялись: теперь он был в курсе всех революционных дел в Европе и он имел полную возможность и с полным знанием дела посвятить меня во все эти дела.

К сожалению, у меня было очень мало времени, потому что я тогда мог пробыть в Лондоне не больше трех дней, в течение которых едва только успел управиться со своими делами.

В 1917 г., во время нашей великой и славной революции, я виделся несколько раз с Петром Алексеевичем в Петрограде, но о его жизни в России за это время могут рассказать другие, более компетентные лица, чем я.

М. П. САЖИН.
(Арман Росс).

СИМОН РАДОВИЦКИЙ.

Историй анархического движения знает не мало примеров героизма и самопожертвования анархистов, павших в борьбе за анархию и свободу. История также знает много примеров мученической жизни анархистов, отдавших свои лучшие силы на служение великому идеалу свободы и равенства людей. К таким героям-мученикам несомненно принадлежит Симон Радовичский, освобожденный из аргентинской тюрьмы, где он просидел более 20 лет за террористическое убийство Фалкона — начальника полиции г. Буэнос-Айреса в ноябре 1909 года.

Симон Радовичский — сын бедных родителей-рабочих. Еще 16-летним юношей он оставляет родительский дом и пускается в свет в поисках работы и куска хлеба. Он долго «путешествовал» из одного города в другой, побывав в нескольких европейских странах, пока, наконец, прибыл в один портовый город, откуда на пароходе, на котором работал в качестве кочегара, приехал в цивилизованную страну Аргентину.

Во время своих скитаний юный Радовичский многое видел и выстрадал и он убедился, что в жизни есть много зла и несправедливости и что самая честная; справедливая жизнь — это рабочая жизнь. Но жизнь рабочих окружена неправдой, несправедливостями и страданиями. И для него самого самым горьким переживанием были его душевные страдания вскоре после его прибытия в Аргентину.

Остановившись в 1909 году в Буэнос-Айресе, Симон Радовичский нашел работу на одном механическом заводе. В то время рабочее движение в Аргентине переживало период бурного подъема: повсеместно организовывались рабочие юнiony; рабочие массами шли в свои организации; быстро и широко распространялись среди рабочих идеи революции, синдикализма и анархизма. Эти идеи действовали, как своего рода балласт на распространение язву капиталистического общества. Они сеяли семена нового учения — учение о свободной и счастливой человеческой жизни. И Симон Ра-

довичский примкнул к анархическому движению, отдав ему свои лучшие молодые силы.

Первого мая 1909 г. известный тиран Фалкон (в то время начальник городской полиции) организовал в Буэнос-Айресе беспощадную резню рабочим. Это случилось во время грандиозной демонстрации, устроенной Анархической Федерацией Аргентины, в которой участвовало 40,000 человек. Рабочие спокойно шествовали по главным улицам столицы. Красные знамена с революционными надписями высоко реяли над головами шедших демонстрантов, гордо распевавших революционные песни. В такой момент «отцу города» — полицеймейстеру Фалкону сильно захотелось отличиться и выразить верноподданнические чувства капиталистам. И он отдает приказ своим полицейским стрелять в демонстрантов. В момент улицы столичного города Буэнос-Айреса оросились невинной рабочей кровью, кровью сотен мужчин, женщин и детей.

Это ужасное событие взволновало всю страну. Рабочие собирали массовые митинги протеста: в знак грандиозного протеста против этих зверских убийств была объявлена по всей стране однодневная всеобщая стачка, но все это не могло успокоить аргентинских рабочих. Со времени кровавой бойни прошло уже несколько месяцев и казалось, все забывается, отходит в историю и враги рабочих могут и дальше безнаказанно убивать. Но вот явился мститель — рабочий Симон Радовичский, совершивший свой смелый террористический акт: 19-го ноября 1909 г. он убил приготовленной им бомбой кроважадного полицеймейстера Фалкона.

Свой акт Радовичский совершил смелым, героическим образом. Он бросил бомбу по среди белого дня с таким осторожным расчетом, чтобы никто из посторонних людей не пострадал от взрыва, и к его чести надо засвидетельствовать следующий факт, указывающий на высокую гуманность идеалиста-страдалца: Радовичский был однажды готов бросить бомбу в карету проезжавшего Фалкона, но он заметил, что вместе с по-

линеймейстером в карете находился ребенок: из сожаления к последнему, Радовичский решил выждать случая, когда жертвой его покушения будет один Фалкон. Этот факт сыграл смягчающую роль в процессе Радовичского, ибо даже враги его не сомневались больше в его идеализме и героизме.

Защитники капитала и власти схватили террориста Радовичского и осудили его на бессрочное тюремное заключение. В виду его несовершеннолетия, закон не позволил власти имуним присудить его к смертной казни. Враги поэтому ухитрились и присудили его на бессрочное тюремное заключение, в расчете, что долгое тюремное пребывание в тюрьме убьет его молодую жизнь.

Осужденный на вечное заточение, Симон Радовичский просидел в аргентинской тюрьме (на Огненном острове) более 20 лет, пережив за это время ужасные мучения. После одного его неудачного побега из тюрьмы, за ним была установлена усиленная охрана и за его неоднократные протесты, выразившиеся в объявлении голодовок, он не раз подвергался истязаниям и пыткам со стороны тюремной власти. Эти пытки повторялись с особой жестокостью на каждую годовщину его удачного террористического акта, и мученику Радовичскому не раз приходила в голову мысль о самоубийстве...

Но рабочее движение в Аргентине не

дремало. По всей стране неслась широкая агитация в пользу освобождения Симона Радовичского. В этой работе принимали участие почти все радикальные, социалистические и анархические организации Южной Америки. Но особенно живую деятельность в этом отношении проявила ФОРА — Анархическая Федерация Аргентинских Рабочих.

По решению этой Федерации, насчитывающей в своих рядах десятки тысяч рабочих, часто устраивались грандиозные массовые демонстрации, требовавшие освобождения заключенного Радовичского. И упорная систематическая агитация за его освобождение увенчалась успехом: Симон Радовичский был освобожден из аргентинской тюрьмы, в которой просидел более 20 лет за свое смелое террористическое покушение на жизнь одного из злейших врагов рабочего класса.

Бесстрашный борец, преданный анархист-идеалист, Симон Радовичский снова в рядах борющихся рабочих, для дела освобождения которых он и в дальнейшем не пожалеет своих сил, борясь за лучшую свободную жизнь угнетенного человечества.

Жизнь Симона Радовичского — один из поучительнейших примеров высокого идеализма анархиста — мученика и его освобождение есть одно из лучших доказательств силы организованного рабочего движения.

Л. ЛИПОТКИН.

СИНДИКАЛИСТСКАЯ ПРОГРАММА

В № 73 «Дело Труда» помещена небольшая статья под громким заглавием «Анархическая программа». Автор ее Г. М. в краткой и сжатой форме ухитрился сформулировать задачи, цели и методы осуществления анархической программы, которую «многие агитаторы и пропагандисты анархизма отрицают благодаря своему неумению сформулировать ее». И вот наш умелый анархист так формулирует свою анархическую программу:

«Замена существующего политического строя анархией; замена экономического строя коммунизмом; замена религиозной нравственности естественной моралью. Борьба за ослабление сил государства; борьба с милитаризмом и национализмом; борьба за уменьшение рабочего дня и повышение зарплат. Прямое действие: бойкот, саботаж, неплатеж налогов, пассивное сопротивление, демонстрации и всеобщая стачка, как преддверие к социальной революции. Осуществление анархизма и коммунизма возможно только путем социальной революции, во время которой происходит захват промышленности производственными союзами, распределения — кооперативными союзами и экспроприация государства самоуправляющимися коммунами. Наша цель, таким образом, сводится к организации общественного порядка без бога, без правителя и без хозяина».

Вот вам, читатель, вся анархическая программа, как определяет ее Г. М. Но является ли такая программа действительно анархической?

Всякий сознательный и мало мальски разбирающийся читатель поймет, что автор этой программы согрешил здесь своим незнанием или непониманием анархизма и,

вместо анархической программы, подсыпав нам наспех состряпанную синдикалистскую программу, позаимствованную не то из брошюры русских синдикалистов «Вместо программы», не то из программы американской синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира». Всякий знает, что борьба за ослабление государства, борьба за уменьшение рабочего дня и увеличение заработной платы, прямое действие, всеобщая стачка и захват промышленности производственными союзами являются требованиями и задачами синдикализма, а не анархизма. Известно также, что анархизм, как конечная цель, считается синдикализмом «музыкой будущего» и отодвигается им на далекое будущее: сначала — синдикализм, а потом — анархизм. И кроме того, анархическая программа сводится: не к ослаблению государства, а к его полному уничтожению; не к уменьшению рабочего дня и увеличению заработной платы, а к уничтожению наемно-капиталистической системы труда; не к захвату промышленности синдикатами, а к провозглашению свободных трудовых коммун; не к «диктатуре труда», а к полному освобождению труда от капитала, власти и всякой диктатуры.

Вот в чем заключаются некоторые основные задачи анархической программы. Ваша же «анархическая программа», милый Г. М., не подлинная анархическая программа, а программа правового синдикализма, любящего рекламировать свою синдикалистскую веру. И это, конечно, естественно: «Дело Труда» орган синдикалистский, редактор синдикалист, ну и программа синдикалистская!

Л. Л.

JEAN GRAVE.

По поводу террористических покушений господину ДЕ ЛА ФУШАРДЬЕР, РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ „ЭВР“.

Уважаемый собрат,

Я с интересом прочел Вашу статью о покушениях, имеющих политический характер. Я согласен с Вами в нескольких пунктах, но Ваша манера сваливать их все в одну кучу приводит Вас, по моему мнению, к ряду ошибок.

Отвлеченные рассуждения дают возможность делать любые выводы, даже иногда самые нелепые, но это не здравый способ рассуждения.

Логические выводы из отдельных примеров можно делать лишь после того, как исследованию были подвергнуты все случаи и факты, которые сюда относятся.

Так, например, я согласен с Вами, когда Вы говорите, что, в большинстве случаев, политические покушения не приводят ни к чему, и что покушение против Думера абсолютно нелепо. А мотив, указанный автором покушения, еще более нелеп.

“Французы не объявили войну советской власти”. Но, ведь, прежде всего, не от Думера зависело объявление войны, а если бы это и было в его власти, то следовало бы только поблагодарить его, что он этого не сделал. Не из любви к советам, к которым я не испытываю никакой симпатии, а потому, что война нам опротивела до последней степени. И еще потому, что все должны стремиться сделать войну невозможной в будущем.

Я не принадлежу к числу тех, кто и буждает других сделать то, чего он не в состоянии сделать сам, но я думаю, что некоторые террористические акты имеют свое оправдание.

Чтобы не затягивать этот ответ свыше меры, я возьму только два или три примера.

На первый случай возьму Эмиля Анри. Совершенно очевидно, он поступил так, как сделаете Вы: он рассуждал отвлеченно и стремился оправдать свой акт, заявляя, что так как мы допускаем всевозможный произвол и несправедливости со

стороны современного суда, то мы все за это несем ответственность, и что стреляя в толпу, он был уверен, что не убьет невинного.

Рассуждая отвлеченно, такое утверждение можно пытаться доказать, ибо, говоря теоретически, только от нас зависит освобождение общества от клики политиков, которая нами управляет; поэтому мы сами до известной степени ответственны за то, на что мы жалуемся. Но люди не возматываются такой же легкостью, с какой сморкаются. Приходится считаться с временем, с обстоятельствами, со степенью развития окружающих нас. Если теоретически мы ответственны за произвол, который мы терпим, то в еще большей степени, говоря практически, мы являемся жертвами того же произвола.

Лишь благодаря неукротимой энергии, которую он проявил в ходе своего процесса и вплоть до самого эшафота, Эмиль Анри удалось снискать положение и придать своему поступку некоторую долю разумности.

**

Вы намекали на Казерио. Очень возможно, что Карно был добрый человек. Тем не менее он был соучастником политической мести — преступления.

Людей арестовывали направо и налево за нарушение законов о печати, или о собраниях, присуждали к пяти годам тюрьмы. Фабриковали законы, в силу которых можно было обвинить Вас в принадлежности к злоумышленному сообществу людей, которых Вы никогда не знали и не видели и с которыми Вы никогда не вели переноски, — и вас отправляли на каторгу.

Именно в отместку за эти акты несправедливости, Ваальян бросил бомбу в Палату Депутатов. Именно в отместку он был послан на эшафот, при чем было совершенно другое нарушение справедливости: чело- веку, который должен был его защищать, не дали времени для изучения дела обвиняемого.

Бомба не причинила никому вреда. Наказали не только за "факт", как того требует закон, — человека послали на эшафот за намерение.

Наконец, если верить г-ну Рейно, бывшему комиссару полиции 14-го округа, который в своих мемуарах подробно рассказывал об этом, то Вальян — разумеется не подозревая того, — действовал под влиянием провокатора, посланного к нему полицией префектурой.

Карно, подписав постановление о смертной казни для Вальяна, приобщился к делу политической мести, которая была ни более, ни менее, как убийством без риска для его виновников, совершенным под маской закона.

Что же удивительного в том, что престоидущий человек, убивая Карно, думал совершить акт справедливости? Приняв все во внимание, это и был акт справедливости.

Это напоминает мне о допросе, которому мне пришлось подвергнуться во время тех тревожных дней. Меня привели к судье Донферу.

— Но, в конце концов, — воскликнул он во время допроса, — ваши друзья встают против суда и убивают тех, кто, в сущности, только применяет закон....

— Чего же вы хотите, ответил ему я, — вы, судьи, располагаете по своему капризу головой и свободой людей, и среди них находитесь такие, которым не нравится ваш каприз и которые мстят вам. Это в порядке вещей.

Господин Донфер свернул разговор на другой предмет. Мы стали обсуждать социальный вопрос.

Другой факт. На этот раз дело было в Испании.

Генерал Кампос вызвал ненависть к себе жестокостями, совершенными во время подавления восстания на Кубе, на Филиппинах. Товарищ Паллас выстрелил в него и промахнулся. Но власти не промахнулись и расстреляли Палласа.

В другой раз какой то неизвестный бросил бомбу и тоже промахнулся.

Спустя несколько времени бомба брошена была на представлении в театре Лисео в Барселоне, при чем убиты были женщины и дети.

Это покушение вызвало взрыв возмущения. Его порицали даже анархисты. Действительно, ничто не объясняло и не оправдывало его.

Между тем, несмотря на стены, несмотря на усилия власти, чтобы до сведения публики не дошли факты жестокостей, совершавшихся в тюрьме Монткуих, эти факты проникли через стены, и население с ужасом узнало, что люди, по большей части крестьяне, были арестованы несколько времени тому назад за действия, которых они не совершали, и были обвинены в принадлежности к организации "Манго негра", которая никогда не существовала. Некоторые из арестованных были "гароттированы" (удавлены) тотчас после ареста. Остальных пытали, чтобы заставить их признаться в преступлениях, которые им приписывали.

Когда я говорю "пытали", то употребляю именно то слово, которое здесь уместно. Сначала заключенных кормили страшно соленой треской, не давая им никакого питья. Потом отводили их к судебному следователю, на столе у которого стоял графин с чистой, прозрачной водой, вид которой усиливал их жажду.

— Пусть, мол, признаются, и вода будет к их услугам!

Других заключенных злили или вырывали у них ногти. Некоторых возили в открытое море и бросали в воду, предоставляя им захлебываться водой почти до смерти.

Но изобретательный ум судей на этом не остановился. Некоторым заключенным стягивали голову с помощью мокрых веревок, стягиваемых палкой, или одевали им на голову каску, которую затем сжимали винтами, калеча нос и раздирая губы.

Наконец, верх садизма: у некоторых сдавливали половой орган.

Все это практиковалось с ведома генерала Кампоса и министра Кановаса.

Когда автор покушения в Лисео был

арестован, то оказалось, что он был из тех, которые прошли через перечисленные пытки, и что Кампос при этом присутствовал. Бомба и была брошена в отместку, в одного из виновников этих пыток.

Если покушение и не было этим полностью оправдано, то оно все же нашло себе объяснение. И когда, в заключение всего, Анджалилло убил Кановаса, то этот акт был полностью оправдан.

Даже рискуя ранить чувствительные сердца, я должен сказать, что если бы эта бомба не была брошена в толпу, если бы не была сделана эта ошибка, то эти покушения были бы полностью оправданы.

Еще раз: необходимо, чтобы от времени до времени подобные акты напоминали правителям, что не всегда можно уйти от

ответственности за дурные поступки.

Наконец, последний пример, более относящийся к социальной области, чем к политической, — убийство инженера Ватрена во время забастовки на Анзенских рудниках.

Инженер Ватрен вызвал ненависть к себе со стороны рабочего населения, которому приходилось подчиняться его требованиям под страхом голодной смерти. Женщины, под страхом такой же смерти, должны были выполнять его капризы. Ватрен не только был убит, но и изуродован: в пароксизме гнева, женщины вырвали у него половой орган.

Этот человек тоже получил только то, что он заслужил.

ЖАН ГРАВ.

КРОПОТКИНСКИЙ НОМЕР «ФРИДОМ».

Шестой номер нью-йоркского «Фридом» наполовину посвящен П. А. Кропоткину.

В нем имеются следующие статьи: «Кропоткин и новая экономика». Автор этой статьи Горгам Мюнсон указывает на влияние, которое идеи Кропоткина оказывают на формулирование американской новой экономики.

Кропоткинские экономические идеи, сформулированные в известной книге «Поля, фабрики и мастерские», нашли отражение в произведениях молодых англо-американских экономистов, группирующихся вокруг еженедельника «Ды Нью Инглиш викли».

С. Вейнер в статье «Революционная философия Кропоткина» останавливается на его книгах «Взаимная помощь, как фактор

эволюции», «Современная наука и анархия», «Великая французская революция» и др.

Заслуживает внимания и небольшая статья Томаса Вайта «Петр Александрович Кропоткин», отмечая заслуги Кропоткина в науке и социологии.

Передовая статья Герри Келли «Кропоткин — пророк» написана в прочувствованном тоне.

ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА.

Нам удалось получить один экземпляр изданной в прошлом году в Москве книги «Петр и Александр Кропоткины. Переписка. Том первый. 1857—1862 г. г.».

В книге 272 страницы чрезвычайно важного и интересного материала. Кропоткинским музеем в Москве готовится вторая том переписки.

Э. МАЛАТЕСТА

К БЕЗВЛАСТИЮ

Довольно сильно распространено мнение, что так как мы называем себя революционерами, мы думаем, что Анархия должна наступить внезапно с одного удара, как непосредственное следствие восстания которое насильственно уничтожит существующее и заменит его действительно новыми учреждениями. И, говоря правду, имеется не мало товарищей, которые таким же образом себе представляют революцию.

Этот предразсудок объясняет почему многие из честных противников думают, что Анархия есть нечто невозможное и объясняет так же почему некоторые товарищи, видя, что при существующих моральных условиях народа, Анархия не может придти внезапно, колеблются между догматизмом, который их оставляет вне реальной жизни и оппортунизмом, который толкает их практически забывать, что они—анархисты и что они должны, обязаны действовать анархически.

В действительности же, победа анархизма не может быть следствием чуда и не может наступить противно всеобщему и ясному закону эволюции, что ничто не может произойти без веских причин, что ничего нельзя сделать, не имея достаточных сил, чтобы это совершить.

Если бы мы хотели заменить одно правительство другим, то есть, навязать нашу волю остальным. — тогда достаточно было бы собрать нужную материальную силу, чтобы сбросить настоящих угнетателей, а самим занять их место.

Но мы, как раз наоборот, хотим Анархию, то есть общество основанное на свободном и добровольном договоре, в котором никто не смог бы навязать другим свою волю и в котором все могли бы поступать как захотят, принимая добровольное участие в всеобщем благосостоянии. Вот почему Анархия не сможет победить окончательно и во всем мире, пока все люди не захотят больше быть управляемыми, ни управлять другими, поймут выгоды солидарности и

сумеют организовать такой вид общественной жизни, при котором больше не будет существовать ни следа насилия и принуждения.

Ибо так же, как сознание, воля, способность развиваются постепенно и по мере того как находят возможность развиваться в постепенном изменении среды и практиковать их по мере того как проявляется необходимость в этом, так же Анархия может наступить только понемногу, развиваясь постепенно вширь и вглубь.

Так что вопрос не идет о том, чтобы совершить Анархию сегодня, или завтра, или через столетия, а в том, чтобы продвигаться к Анархии сегодня, завтра, всегда.

Анархия означает уничтожение эксплуатации и угнетения человека человеком, то есть, уничтожение частной собственности и власти. Анархия это — уничтожение нищеты, суеверий и ненависти.

Вот почему каждый удар по институтам собственности и власти, каждое повышение сознания масс, каждое уравнивание условий жизни, когда демаскированная ложь, каждая общественная человеческая активность, вырванная из под контроля власти, каждое увеличение духа солидарности и инициативы, суть шаги вперед к Анархии.

Проблема, следовательно, состоит в том, чтобы суметь выбрать путь, который действительно ведет к осуществлению идеала и уметь не смешивать действительные прогрессы с теми инпокритскими реформами, которые, под предлогом улучшений, ведут к отвлечению народа от борьбы против власти и против капитализма, к парализации его активности и к вынуждению народу, чтобы он верил, что можно что-нибудь получить благодаря доброте хозяев и правителей. Проблема состоит в том, чтобы знать как употребить те силы, которыми мы располагаем и те, которые мы завоевываем, как можно экономичнее, как можно полезнее и лучше для того идеала, к которому мы стремимся.

Во всех странах мира существуют сейчас правительства, которые грубой силой навязывают всем свои законы, заставляют всех давать себя эксплуатировать и содержать, хотя это или не хотят, существующие учреждения, которые не допускают, чтобы меньшинства могли практиковать свои идеи и чтобы общественная организация вообще могла бы изменяться в согласии с изменениями, происшедшими в общественном мнении. Регулярная мирная эволюция жизни задерживается насильем, и неизбежно нужна будет сила, чтобы открыть дорогу свободному развитию. Вот почему анархисты предвидят неизбежность насильственной революции пока будут хотеть силой навязывать кому бы то ни было свою волю. Но как только будет уничтожено государственное насилие, будет бессмысленно и революционное насилие.

Мы еще не можем уничтожить существующие правительства и возможно, что не сможем всепрепятствовать, чтобы на развалинах теперешних правительств завтра не создались другие. Но это нам не мешает сегодня, и не помешает завтра, бороться против всякого правительства, отказываясь при всяком возможном случае, подчиняться им и их законам и сопротивляться их насилию.

Каждое ослабление принципа власти, каждое увеличение свободы будет приближением к анархии, всегда, понятно, если это будет служить лишь побуждением к борьбе, всегда если мы будем рассматривать правительство как врага, с которым не может быть никогда мира и если будем стремиться уменьшать его права и его силы, а не увеличивать число правителей, или чтобы их избирали сами управляемые. И под словом правительство мы понимаем любого человека, или любую группу людей в государстве, в области, в городском управлении, в любой ассоциации или организации, которые имели бы право вырабатывать законы и навязывать их, кто с ними не согласен.

Мы еще не в силах уничтожить частную собственность, мы еще не можем расплачивать средствами производства, необходимыми для того, чтобы работать свободно и независимо; возможно, что мы этого не смо-

жем также и после ближайшего общественного возмущения. Но это, все-таки, нам не мешает сегодня, и не помешает завтра, бороться беспрестанно против капитализма. Покорная, даже минимальная, победа, одержанная трудящимися над хозяевами, какое уменьшение доходов привилегированных, каждая часть богатства перешедшая из рук частных в руки всех, будет прогрессом, шагом вперед по пути к Анархии; всегда, понятно, если это будет служить для увеличения требований рабочих и усиления борьбы, когда оно будет принято как победа над врагом, а не как уступка, за которую нужно быть благодарным, при условии, что мы останемся твердыми в нашем намерении отнять, как только это будет возможно, у хозяев те средства производства, которые они, под прикрытием государственной силы, отняли у трудящихся.

Но как только исчезнет из человеческого общества право силы, и все средства производства будут переданы в распоряжение всех, кто желает производить, — все остальное, что должно будет реализоваться, должно быть плодом мирной эволюции.

Анархии еще не будет: или будет существовать только для тех, которые ее захотят и только в тех вещах, которые они смогут производить без помощи тех, кто еще не стали анархистами. Но неминуемо она будет распространяться на все большее и большее количество людей и все большее и большее количество вещей, пока она не охватит все человечество и все проявления человеческой жизни.

Как только будет уничтожена власть и все вредные по своей сущности учреждения, которые держатся благодаря защите власти и будет добыта для всех полная свобода и полное право на орудия труда, без которых свобода не больше как сказка, мы, в борьбе за наши цели, не намерены разрушать ничего больше, как те вещи, которые мы можем заменить.

В современном обществе, например, существуют службы снабжения. Они организованы плохо, беспорядочно с невероятной растратой сил и материалов и в интересах капиталистов. Но все таки, как бы

там ни было, люди через них, кое-как удовлетворяют свои потребности и питаются, и было бы абсурдно захотеть дезорганизовать все это, если мы не в силах обеспечить питание и снабжение людей лучшим и более справедливым способом.

Существуют почтовые службы. Мы могли бы предъявить им тысячи недочетов, но мы пользуемся и будем пользоваться этими почтовыми учреждениями для пересылки нашей корреспонденции, терпя их таковыми, каковы они есть, пока мы не сможем исправить их, заменить их новыми и лучшими.

Имеются школы, и какие школы! но мы не допустим, чтобы наши дети остались без обучения чтению и письму, в надежде, что мы сможем организовать школы высшего типа в достаточном количестве для всех детей.

Отсюда видно, что для реализации Анархии недостаточно еще владеть материальной силой, чтобы суметь совершить революцию, а необходимо еще, также, чтобы трудящиеся, с'организовавшиеся по произволу, были бы способны сами своими собственными силами обеспечить функционирование общественной жизни, не прибегая к капиталистам и правительствам.

Помимо этого так же верно, что анархические идеи, далеки от того, чтобы быть, как это претендуют социалисты - марксисты, в противоречии с законами эволюции, доказанными наукой. А наоборот, в действительности они суть понятия, которые находятся в полном согласии с идеей эволюции. Ибо Анархия это экспериментальная система, переведенная из области изысканий в область социальных осуществлений.

С испанского Анатолий Горелик.

К БЕЗРАБОТНЫМ

Товарищи безработные!

Мы — жертвы существующих систем общественной жизни, и мы будем ими пока будут существовать Власть и Капитализм.

Мы и наши братья трудящиеся орошали землю своим потом, трудом и кровью: страдали, создавали и творили. Но плодами трудов наших воспользовались только наши хозяева и властители, а когда увидели, что не могут уже больше сосать из нас столько сколько сосали раньше, они нас вышвырнули на улицы как паршивых собак, отказывая нам даже в крохах хлеба со своего стола. Поступают с нами, людьми, так, как не поступает хороший хозяин со своими животными.

Для того же, чтобы мы не могли у них оторвать то, что нам по праву принадлежит, они начали организовывать банды фашистских убойц из темных и голодных элементов, науськивая их на нас и на всех кто осмелевает протестовать против существующих привилегий и насилий Власти и Капитала. При помощи этих же темных масс устанавливают всюду свои диктатуры над пролетариатом и издеваются над трудящимися.

Но мы имеем право на жизнь! Мы имеем право требовать уничтожения этой системы, где дети валяются под заборами, где девушки вынуждены торговать своим телом, где мужчины и женщины, проработавшие всю свою жизнь и создавшие богатства и роскошь для кучек дармоедов и паразитов, осуждаются на муки и холодную и голодную смерть среди роскоши и разврата богачей и власть имущих.

Государство и Капитал чувствуют, что мы, трудящиеся, потребуем нашу часть богатств и предъявим им наше право на жизнь, и, при помощи политиков разных мастей, они стараются дубиной и обманом заставить нас соглашаться умирать спокойно с голоду,

позволив им жить в роскоши, разврате и почестях.

Все политические партии ищут власти. А власть естественная защитница и создательница привилегий и без нищеты, эксплуатации и насилия существовать не могут. Вот почему мы, трудящиеся, не хотим ни власти, ни привилегий ни для себя, ни для других. И нам окончательно все равно во имя чего нас будут бить, мучить и угнетать: во имя-ли диктатуры буржуазии, или диктатуры пролетариата.

Мы хотим быть людьми свободными и жить в довольстве, взаимопомощи и любви. А капитализм и государство всегда и всюду закаленные враги свободы и равенства всех.

Вот почему также, если мы не хотим сами быть рабами капиталиста и властителя и не хотим, чтобы и другие люди ими были, мы должны бороться за полные свободу и равенство для всех людей без исключения. На нашем несчастье мы должны научиться не хотеть несчастья другим.

Мы, обездоленные, жертвы власти и капитала, мы должны подняться как один человек на борьбу за наше право на жизнь, за наше человеческое достоинство. Мы должны потребовать у богачей и властителей нашу часть богатств. И, если нужно, даже взять их силой. Мы имеем на это право!

Но мы также знаем, что только тогда, когда мы уничтожим всякую власть и всякие привилегии, мы сможем избавиться, чтобы не было больше на земле нищеты, гора и тех кошмарных ужасов, которые нам сейчас приходится переживать.

На борьбу же за завоевание наших прав на жизнь и за создание жизни в свободе, равенстве и любви, т. е. за жизнь в анархии для всех людей.

Комитет Безработных Нового Порта.

СТИХОТВОРЕНИЯ

РЕЧЬ ДЕМОКРАТА К РАБОЧИМ

Молодой демократ
 На трибуну выходит;
 Этот плут, этот хват
 Тонко речь заводит.
 „Люд рабочий, читай
 Лист от демократов;
 В нем и счастье и рай
 Для рабочей братьи.
 Где парит демократ,
 Там парит свобода.
 Беднякам — все права,
 Богачам — заводы.
 Вся земля у того,
 Кто овладеет ею
 Но помещик, батрак, —
 Все... права имеют.
 Пред законом равны
 Бурага и нищий.
 Правда, первый в шелку,
 А второй без пищи.
 Но закон справедлив,
 Осудить он вправе
 Всех бездомных бродяг
 И воров лукавых.
 Пусть живет Вандербильт
 На большой дороге,
 Как бродяга сидеть,
 Будет он в остроге.
 Пусть Ротшильд цент возьмет
 Из чужих карманов
 Арестуют вмиг его
 Бравые жандармы.
 Богачи, бедняки,
 Бойтесь преступленья!
 Всех карает закон,
 Всех без исключения.
 Ведь порядок в стране
 Ныне процветает:
 Демократ, как солдат,
 Право охраняет.
 Он и тут, он и там,
 Верный страж закона,

Рад служить беднякам
 И златой короной.
 Ты налог уплати
 В пользу государства,
 И живи, не тужи,
 Как в небесном царстве.
 Будь послушен всегда
 Воле депутата,
 И тогда без труда
 Станешь тароватым.
 Будешь всеми любим,
 Почитаем всеми,
 Если сеешь „зерно“
 Золотое семя.
 Кто, законом храним,
 Деньги загребает,
 Перед тем демократ
 Голову склоняет.
 Ну, а к тем, кто в трудах
 Тяжких жизнь проводит?
 Даже к ним демократ
 Иногда спускается.
 Жизнь спокойно течет
 Без тревог, волнений;
 Под охраной дубин
 Добрых полицменов.
 Гражданин может спать
 Утром, днем и ночью
 Кто исполнил закон,
 Делает, что хочет.
 Вот страна, так страна,
 Как в хорошей сказке
 И богач, и бедняк
 Ходят по указке.
 Все свободны, равны;
 Каждый право знает;
 Депутат — демократ
 Всеми управляет
 Эй, народ! Избирай
 Список демократов
 Наша власть — это рай
 Для рабочей братьи“.

НА КРЕСТЕ ЗОЛОТОМ *)

Над печальной землей
Крест стоит Золотой;
Жутким светом он мир озаряет.
Тот кто сир и гоним,
Тот всю жизнь перед ним
Безутешно и горько рыдает.

Пред Крестом Роковым
Поп, судья, властелин
Пьют вино, пляшут танец звериный,
А народ пред Крестом —
Приневолен трудом
И измучен стальной машиной.

Собрались у Креста
Батраки под'аремной работы.
Изнывая в тоске,
Шлют проклятья судьбе,
Спины гнут под Крестом — Эшафотом.

Легион бедняков,
Миллион босяков,
Успевающих в жизни суровой
Стыд и честь потерять,
Кровный труд продавать, —
На Кресте умирают без слова.

Сотни бедных детей,
Словно толпы теней,
Простирают ручки худые
И со страхом смертельным на скорбном челе
Распинают себя на Проклятом Кресте,
Разрушают тела молодые.

Проститутка и вор,

Пряча в сердце позор,
Ненасытной мукой паляимые
Разжигают похабным разгулом сердца,
Пресмыкаясь в грязи у подножья Креста.
Лижут жалобно извы гвоздинья.
Сумасшедший солдат,
Что готов расстрелять
Возмущенного голодом брата,
Пред Крестом Мировым
Возлежит недвижим,
Презираемый, всеми проклятый.
Над несчастной землей
Крест стоит Золотой,
Будто призрак унылый, холодный.
Мировой Капитал
Этот Крест основал
На слезах и на крови народной.

Вокруг Креста —
Горе — тьма,
Пирамиды из тел
И озера дымящейся крови,
Перестрельные, злобные шепоты стрел
Да кандальные сумные звоны.

Огражденный грехом,
Освященный попом,
Гордо высится Крест — Гильотина,
Он стоит много лет,
Охраняя от бед,
Своего буржуа — господина.

Кровавадный буржуй!
Крест "Святой" поцелуй
Обагранными кровью устами;
На рабочих костях,
На крестьянских телах
Он воздвигнут твоими руками.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

1923 Март.

*) Примечание Редакции: В прошлом номере "Пробуждения" это стихотворение было напечатано с значительным пропуском. Теперь оно повторяется без сокращения.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

:~:

Уважаемые товарищи:

От имени американских товарищей, посылаю вам перевод письма тов. Келлы, в котором он обращается, как к русским группам, так и к отдельным товарищам, по желанию вдовы покойного тов. Э. Малатеста, со следующим воззванием:

"Некоторое время тому назад, когда известие о смерти Э. Малатеста облетело весь цивилизованный мир, ньюйоркский "Таймс" и "Ворлд Телеграмм" поместили на своих страницах расказы, порочащие честное имя тов. Э. Малатеста о том, что умерший в последние годы своей жизни получал субсидию от фашистского правительства.

Зная, что это гнусная ложь — я, по моей собственной инициативе, написал опровержения в обе вышеназванные газеты, которые и были напечатаны. Я писал, что: — "На протяжении всей своей долгой жизни, Малатеста боролся за полную свободу и экономическое равенство угнетенных масс, как при старом режиме, так и при новом, фашистском, и печатать такие, ни на чем не основанные выдумки — равносильно оскорблению имени не только честного борца, но и одного из выдающихся людей".

Имея в виду только что сказанное, я убежден, что вашим читателям будет интересно знать следующие выдержки из писем вдовы нашего покойного товарища от 9-го сентября 1932 г.

"Дорогой Келлы: Лишь потому, что я знаю, что ты любил моего Эррика я нахожу нужным сказать тебе все то, что на моей душе. Ты должен знать, что, по легкой понятной причине, мы должны были похоронить Эррика на городском кладбище, а это значит что в самом ближайшем будущем его могилы нельзя будет найти. Однако, власти разрешают перенести его тело, и похоронить на частном кладбище, если это будет сделано в течение этой зимы и не позже апреля месяца. Я бы очень хотела иметь возможность это сделать, дабы знать место его вечного упокоения, куда бы я могла порой прийти по-

мечтать и принести цветов. Это можно будет сделать только этой зимой до апреля месяца и не позже.

А потом, если товарищи пожелают, то можно будет поставить небольшой памятник, чтобы обозначить, что: "Здесь покоится прах Э. Малатеста".

Подписано: Елена Мелли Малатеста.

Принимая во внимание, что огромное большинство реформаторов и социал-революционеров умерли в нищете и лежат в забытых могилах, может быть следовало-бы, чтобы тот, кого Бакунин называл младшим братом, а потом — просто Эрриком — был, после более чем шестидесятилетней борьбы за освобождение угнетенных масс, — похоронен на городском кладбище среди безыменных массовых могил. Малатеста с его острым юмором безусловно высмеял-бы всякого, кто может чувствовать плохо от сознания, что он похоронен в безвестной могиле, но лучшие дни для угнетенных масс Италии придут и когда это время наступит, то те, кто знал и любил Малатеста, захотят знать, где он покоится, чтобы прийти на его могилу и воздать ему заслуженную честь, как это было сделано с Кропоткиным в России, Феррер в Испании и Э. Реклю во Франции, если упомянуть хотя нескольких из его старых друзей и товарищей по борьбе. Вот те причины, по которым некоторые из нас сентиментально желают помочь провести желания вдовы нашего покойного товарища в жизнь.

И если найдутся товарищи, которые пожелают помочь провести, как желания вдовы нашего покойного друга и товарища, так и наши соображения — в жизнь, как своими пожертвованиями, так и сбором таковых — то их просит снестись с нами по следующему адресу:

Harry Kelly,

25 Prospect Street,

New Rochelle, New York.

С товарищеским приветом

В. Сталев.

БЕСКОМПРОМИССНАЯ ПРОГРАММА "МЭН"А.

В первом номере вышедшего в Сан-Франциско анархического журнала "Мэн" следующим образом определяется "кредо" этого издания:

"Мэн" не предлагает программ, платформ или паллиативов.

"Никаких компромиссов при разрешении социальных вопросов. Компромиссы — могила для идеалов и идеалистов".

* * *

РАМУС В ТЮРЬМЕ

Австрийские власти бросили в тюрьму редактора анархической газеты "Эрктентис и Бюррунг", — Пьерра Рамуса за опубликование памфлета о стерилизации. Рамус содержится в тюрьме без суда с сентября месяца 1932 года.

* * *

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ "ДЕР ФРАИ АРБАЙТЕР" В ГЕРМАНИИ.

Приостановленная правительством на 13 недель еженедельная анархическая газета "Дер Фрай Арбайтер" снова начала выходить.

* * *

КАЗНЬ АНАРХИСТА В ИТАЛИИ.

В Италии 17-го июня 1932 года казнен анархист Анджело Сбарделлатта за заговор на жизнь Муссолини.

* * *

АРЕСТ АНАРХИСТОВ В РУМЫНИИ.

В Серенаути (Румыния) на конспиративном собрании арестовано 14 анархистов: Кароль Бурберг (студент), Нертали Шнапп (студент), Гиншель Горовиц, Мартин Стерсчау, Рознер, Реурштейн, Самойл Вейсманн, Моргенштейн, Кос Адольф, Кула, Дюосиф, Вейфенфельд, Донна и Гелес.

* * *

С СОЛОВКОВ В АСТРАХАНЬ.

Пробывший несколько лет на Соловках итальянский анархист А. Петрини сослан в гор. Астрахань. Из одного гиблого места в другое.

* * *

РАСПРАВЫ С АНАРХИСТАМИ В ИСПАНИИ.

Правительство молодой испанской рес-

публики равнодушно истребляет анархическую "кранолу".

В прошлом году сотни анархистов сосланы на отдаленные острова. В одном случае в смысле одновременно было отправлено 120 анархистов.

* * *

ПРОГРАММА "ФРИДОМ".

В программной статье нью-йоркский анархический еженедельник пишет:

"Мы не претендуем на то, что массы призывают нас, или что мы точно знаем, чего они хотят. Мы думаем, что мы знаем, что хорошо для них, но дальше этого мы не желаем идти..."

"Все практикуемые формы власти — русский "коммунизм", фашизм, монархизм, и разного сорта республики — клонятся к одной и той же цели: сохранению существующего порядка вещей, и в то же самое время каждое из правительств уверяет всех в том, что оно лучше других форм правления. Если бы это было не так, то проблема распределения мировых богатств не отставала бы от производства и сегодня во всем мире не было бы ни одного голодного человека..."

* * *

АНАРХИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ.

В Парагвае, Чили, Бразилии и Уругвае анархисты развивают энергичную пропаганду.

В Аргентине фашистам не удалось окончательно задуть анархическое движение. Тюрьмы переполнены анархистами. В Вилладвеевской тюрьме с преобладающим анархическим населением состоялся даже анархический конгресс.

ФОРА (Аргентинская Анархическая Федерация), объединяющая 72 различных организации, продолжает анархическую работу. Возобновлено издание еженедельной анархической газеты "Ла Протеста".

* * *

НЕ ВСЕМ ПЛОХО ЖИВЕТСЯ В АМЕРИКЕ.

В Соединенных Штатах насчитывается 14,000,000 безработных мужчин и женщин. Все они, конечно, бедствуют.

Из официального заявления видно, что в истекшем году в стране насчитывалось 75 лиц, уплативших подоходный налог с миллионного дохода.

Пять из них получили свыше пяти миллионов долларов дохода каждый. Общая сумма дохода этих мультимиллионеров — 38,268,114 долларов в год. Семь других миллионеров положили в карман 25,633,048 долларов.

* * *

КРОХИ БЕЗРАБОТНЫМ

В нью-йоркском штате — 1,750,000 безработных. На помощь 410,000 семьям безработных штатом истрачено 62,000,000 долларов в год.

* * *

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ "ЛА ПРОТЕСТА".

Аргентинское фашистское правительство лишило почтовых привилегий анархическую ежедневную газету "Ла Протеста", которая принуждена перейти на еженедельное издание. Еженедельник выходит по средам в 16 страниц.

Группа интеллигентов приступила к изданию анархического еженедельника "Тьерра" ("Земля").

* * *

СИНДИКАЛИСТСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА В ИСПАНИИ.

Испанская Национальная Федерация приступила к изданию ежедневной синдикалистской газеты "С. Н. Т.". Первый номер в 75,000 экземпляров был распродан в несколько часов.

* * *

2,000 ПОДПИСЧИКОВ ДЛЯ "ФРИДОМ".

В феврале месяце нью-йоркский еженедельник "Фридом" провел кампанию по подписанию 2,000 платных подписчиков.

* * *

РАСПРАВА С КЕНТУКСКИМИ ШАХТЕРАМИ.

В Кентуки по известному Гарланскому делу восемь шахтеров приговорены к пожизненному тюремному заключению. 23 шахтера ожидают суда по делу о вооруженном столкновении с компанейскими страж-

никами, произведшими нападение на помещение шахтеров. В этом столкновении было убито три стражника.

Убийства шахтеров стражниками сходят безнаказанно. За убийство стражников суд сурово карает.

* * *

ПОЗИЦИЯ «КЛАРИОНА».

"Нью-йоркский анархический ежемесячник "Кларион" ("Рожок") о своей позиции пишет следующее:

"Экспроприация экспроприаторов; узурпация узурпаторов; дезорганизация дезорганизаторов...

"Массы не могут быть "спасены" до тех пор, пока они будут оставаться инертными, и пока они не вынырнут на поверхность экономической и политической жизни и не выступят в качестве энергичных индивидуумов".

И еще:

"Кларион" за трудовую собственность против частной капиталистической монополии, государственной капиталистической монополии, или коммунистической монополии всякого рода. Вместо капиталистических трестов в буржуазных странах и государственных трестов в СССР, "Кларион" стоит за создание рабочих трестов, рабоче-акционерных компаний".

* * *

ТЕМЫ ЛЕКЦИЙ ТОВ. ЛАЗАРЕВА.

1. Происхождение человека.
 2. Задачи рабочего движения.
 3. Кризис и безработица.
 4. Анархизм и большевизм.
 5. Анархизм и синдикализм.
 6. Анархизм и организация.
 7. Русское анархическое движение в Америке.
 8. История освободительного движения в России.
 9. Жизнь и учение П. Кропоткина.
 10. Бог и религия.
- Обращаться по адресу:
L. Lazareff, 30 Morris St.,
Rochester, N. Y.

К ТОВАРИЩАМ И ЧИТАТЕЛЯМ.

Группа "Вольная мысль" просит всех товарищей и читателей, получающих журнал, подтвердить подучение такового, ввиду неуверенности доходит-ли журнал по назначению. Желających же получать его, или взять на себя распространение такового, просят сообщить о количестве, которое желательно получить.

"Volnia Misl" Peru 1537
Buenos Aires, Argentina.

АНАРХИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В АМЕРИКЕ.

На английском:

"FREEDOM",

219 Second Ave., New York, N. Y.

На еврейском:

"FREIE ARBEITER STIMME"

45 W. 17th St., New York, N. Y.

На итальянском:

"LADUNATA DEI REFRATTARI",

Box 1, Sta. 18. Newark, N. J.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп
“Пробуждение”.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает чита-
теля с журналом, как различные сообщения с
мест о том, что происходит на фабриках, в шах-
тах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” про-
сит поэтому товарищей присылать нам краткие
сообщения, заметки и корреспонденции об анар-
хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содей-
ствия по распространению журнала, подыска-
нию новых подписчиков, и об оказании ему ва-
шей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке
журнал сможет выходить регулярно, и выпол-
нять возложенную на него миссию распростра-
нения безвластных идей свободы и меж-
дународного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.